

-7
5744

524962

МВ и ССО РСФСР

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. М. ГОРЬКОГО

ПЕРВЫЕ РАБФАКИ НА УРАЛЕ

Свердловск — 1963

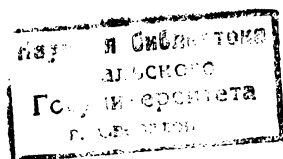
ВОСПОМИНАНИЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И УЧАЩИХСЯ
ПЕРВЫХ УРАЛЬСКИХ РАБФАКОВ

Свердловск — 1963

В 1961 году в Уральском государственном университете им. А. М. Горького состоялся слет выпускников Уральского и Пермского рабочих факультетов.

В основу данного сборника легли воспоминания, с которыми выступали перед студентами свердловских вузов бывшие преподаватели и учащиеся рабфаков.

Редколлегия: доцент, кандидат исторических наук В. АДАМОВ (редактор), М. ГЛАВАЦКИЙ, кандидат исторических наук В. ЧУФАРОВ.

524962

*М. ГЛАВАЦКИЙ,
В. ЧУФАРОВ*

ПЕРВЫЕ РАБФАКИ НА УРАЛЕ

Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало коренной перестройке высшей школы. Исходя из указаний В. И. Ленина и требований Программы партии, принятой VIII съездом РКП(б), Коммунистическая партия главные усилия в области высшего образования направила на то, чтобы сделать высшую школу доступной широким массам трудящихся. В. И. Ленин указывал: «Неимущий пролетарий от станка и крестьянин от сохи пройти университет не могли ни при царе Николае, ни при республиканском президенте Вильсоне. Наука и техника—для богатых, для имущих; капитализм дает культуру только для меньшинства»¹.

Историческое значение для революционного преобразования высшей школы имели постановление Совнаркома от 2 августа 1918 года «О приеме в высшие учебные заведения РСФСР», проект которого был написан В. И. Лениным, и декрет СНК «О правилах приема в высшие учебные заведения». Отныне двери высшей школы были широко открыты для трудящихся. Рабочие и крестьяне могли поступать в любые вузы без предъявления дипломов и аттестатов, отменялась плата за обучение. В постановлении указывалось, что при поступлении в высшие учебные заведения имущие классы не должны иметь не только юридических, но и фактических привилегий. «На первое место безусловно должны быть приняты лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства, которым будут предоставлены в широком размере стипендии»².

Для подготовки трудящихся в вузы организовывались специальные подготовительные курсы. Однако их оторванность от высших учебных заведений создавала целый ряд неудобств. И вот революционное творчество масс привело к созданию рабочих факультетов, которые должны были готовить рабочих и крестьян для учебы в вузах непосредственно в стенах самих высших учебных заведений. Недаром М. И. Калинин называл рабфаки специфическим творением Октябрьской социалистической революции.

Первый рабочий факультет возник в 1919 году при Московском коммерческом институте (ныне Институт народного хозяйства имени Плеханова). Студенты-коммунисты этого института обрати-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, изд. 4, стр. 51.

² В. И. Ленин. Соч., т. 28, изд. 4, стр. 31.

лись к рабочим-металлистам Замоскворечья с просьбой записаться в институт, чтобы принять участие в выборах и провести в студенческие организации как можно больше представителей пролетарского студенчества. После проведения выборов многие рабочие решили остаться в институте, но они не имели знаний для учебы в высшей школе. Тогда по предложению коммунистов вуза был создан специальный факультет, призванный в кратчайший срок подготовить рабочих для занятий на основных факультетах института.

Инициатива замоскворецких коммунистов была поддержана Коммунистической партией и Советским правительством. В сентябре 1919 года по предложению В. И. Ленина Наркомпрос вынес решение о создании подготовительных курсов при университетах и о приовоении им названия «рабочих факультетов». Декрет Совнаркома от 17 сентября 1920 года четко определил положение рабочих факультетов в системе высшей школы. «Основной задачей рабочих факультетов,— указывал декрет,— является вовлечение рабочих и крестьянских масс в стены высшей школы»³. Рабочие факультеты должны были давать знания, необходимые для учебы в высшем учебном заведении.

Рабфаки получили быстрое распространение в стране. В 1919 году их было организовано 12, в 1920—35, в 1921 году насчитывался уже 61 рабфак⁴.

В числе первых были созданы рабочие факультеты на Урале. Рабфак при Пермском университете был организован вскоре после освобождения Урала от Колчака. Его созданием руководила специальная комиссия, в которую входили представители губкома РКП(б), губисполкома и Пермского университета. В ноябре 1919 года к занятиям приступили 2 группы рабфаковцев с 50 слушателями⁵ (официально рабфак был утвержден Наркомпросом несколько позже). Вскоре, 15 марта 1920 года, был организован рабфак в Екатеринбурге. С окончанием на Урале гражданской войны на рабфак Уральского университета было командировано более 100 бойцов Красной Армии, которые и составили его ядро⁶. В конце 1920 года на рабфаке обучалось уже 700 человек. Популярность рабфаков быстро росла. Для того, чтобы шире привлекать трудящихся Урала на рабочие факультеты, Пермский рабфак открыл свои филиалы в Уфе, Воткинске, Мотовилихе, Кунтуре, Чусовой (впоследствии ввиду тяжелого материального положения республики, вызванного голодом, их пришлось закрыть, а Уфимское отделение было преобразовано в самостоятельный рабфак).

Первые рабфаковцы — вчерашние красноармейцы, рабочие и крестьяне — прошли большую школу жизни, были закалены трудом и борьбой. В октябре 1920 года на рабфак был командирован

³ СУ, 1920 г., № 80, ст. 381.

⁴ «Вестник рабочих факультетов», № 2—6, 1922 г., стр. 79.

⁵ «Пермский рабфаковец», № 1, 1922 г., стр. 9.

⁶ «Уральский рабочий», 24 ноября 1921 г.

И. Г. Тонзилин. Интересен его жизненный путь. В одиннадцать лет он поступил работать на Златоустовский завод. В 1917 году вступил в члены РКП(б), вскоре был избран секретарем заводской партийной ячейки. С мая 1919 года — активный участник гражданской войны, по окончании войны направлен на учебу. Большая школа революционной борьбы была за плечами Н. И. Широкина. Еще в 1908 году царский суд приговорил его к смертной казни, замененной в связи с несовершеннолетием длительным тюремным заключением. Широкин — член партии с 1917 года, принимал активное участие в разгроме Колчака. Такие люди составляли костяк студентов рабфака.

Создание и развертывание деятельности рабфаков совпало по времени с переходом к нэпу. Обострение классовой борьбы требовало усиления идейно-политической работы в высшей школе, улучшения классового состава студенчества.

Первоначально классовый состав уральских рабфаков был не совсем удовлетворительным. Так, в 1920—21 учебном году среди общего числа студентов рабочие на Уральском рабфаке составляли менее 30%, Пермском — около 35%⁷.

Под руководством Уралбюро ЦК РКП(б) партийные и профсоюзные организации Урала усилили внимание к набору на рабочие факультеты. В 1922 году профсоюзы одной только Пермской губернии направили на рабфаки 240 своих членов⁸. Развернули борьбу за улучшение классового состава на рабфаках и факультетские ячейки РКП(б). Так, ячейки Пермского рабфака 13 июня 1920 года решили ввести в приемную комиссию своего представителя, которому дали наказ добиваться зачисления на рабфак только пролетарской молодежи⁹.

Упорную борьбу проводили ячейки РКП(б) за чистку рабфаков от студентов, не имеющих права учиться на рабочем факультете. Однако президиумы факультетов, возглавляемые беспартийными специалистами, препятствовали улучшению состава студенчества. Тогда партийные ячейки рабочих факультетов при помощи Уралбюро ЦК добились замены заведующих рабфаками новыми — коммунистами¹⁰.

Постепенно удалось улучшить классовый состав рабфаков. Так, уже в 1923 году среди общего числа принятых на Уральский рабфак рабочие составляли 76,6%, крестьяне — 14%¹¹. Такая же картина характерна и для Пермского рабфака.

Привлекая на рабфаки пролетарскую молодежь, Коммунистическая партия и Советское правительство проявляли огромную

⁷ «Уральский рабочий», 15 марта 1922 г.; «Пермский рабфак за 10 лет», 1929 г., стр. 158.

⁸ «Звезда», 25 мая 1923 г.

⁹ Партархив Пермского обкома КПСС, ф. 357, оп. 3 б, ед. хр. 22.

¹⁰ Об этой борьбе рассказывается в воспоминаниях И. П. Пантелеева, опубликованных в настоящем сборнике.

¹¹ «Студент — рабочий», № 8, 1924 г., стр. 59.

заботу об ее материальном обеспечении. Это имело первостепенное значение в условиях голода и разрухи, в которых находилась страна. Студенты Уральских рабфаков, как и все рабфаковцы страны, обеспечивались пайком, им бесплатно выдавалась одежда.

Большую заботу об улучшении материального обеспечения рабфаковцев проявлял лично В. И. Ленин. Узнав о тяжелом положении московских рабфаковцев в голодном 1921 году, он дал указание Малому Совнаркому «добиться максимального улучшения положения рабочих факультетов»¹². В 1921 году правительство установило ряд льгот для семей рабфаковцев. Рабочие, командированные на рабфак, получали разницу между размером прежней зарплаты и материальным обеспечением, выдававшимся на рабфаке, до тех пор, пока в 1922 году всем рабфаковцам страны не была установлена единая стипендия.

Уральские партийные, советские и хозяйственные организации проявляли исключительно большую заботу о рабочих факультетах. В 1922 году Уралбюро ЦК вместе с Уралбюро ВЦСПС и Уральским экономическим совещанием взяло шефство над Уральским рабфаком. 8 июля 1922 года Уралбюро ЦК рассмотрело вопрос о материальном положении рабфака и поддержало ходатайство последнего о предоставлении общежития на 300 мест. По решению секретариата Уралбюро ЦК (сентябрь 1922 года) специальная комиссия проверила, как распределяются места в рабфаковском общежитии¹³. Много сделал для улучшения материального положения рабфака Пермский губком РКП(б). Губернские исполкомы выделили рабфакам учебные помещения и общежития, помогли оборудовать кабинеты, открыли на обоих рабфаках столовые.

Упорную борьбу за улучшение своего положения проводили и сами рабфаковцы. Они участвовали в заготовке дров, организовали производственные мастерские, подсобное хозяйство, создали кассу взаимопомощи.

К педагогической работе на рабфаке были привлечены профессора и преподаватели Уральского и Пермского университетов. Целый ряд преподавателей с энтузиазмом взялся за эту трудную, но почетную работу. Именно такими педагогами рекомендовали себя А. И. Данилова, О. В. Сигова, П. Р. Бородин, М. А. Сигов, О. Н. Щеглова-Бородина и другие.

Однако определенная часть преподавателей, не веривших в идею рабочих факультетов, неохотно шла на перестройку обучения, а нередко пыталась даже саботировать ее.

Работа затруднялась отсутствием единых программ. Поэтому при разработке учебных планов на местах была допущена излишняя многопредметность. На Пермском рабфаке изучалось, например, много ненужных для рабфаковцев дисциплин, таких как латинский язык, логика, теория словесности.

В этих условиях особенно большую роль играли предметные

¹² Ленинский сборник, XXXV, стр. 224.

¹³ Свердловский обл. партархив, ф. 1494, оп. 1, ед. хр. 70, лл. 39, 93.

комиссии, составлявшие учебные планы в соответствии с уклонами¹⁴, добивавшиеся внедрения новых методов преподавания, наиболее целесообразных для рабфаковской аудитории. Для усиления пролетарского влияния в предметных комиссиях половина мест в них отводилась студенчеству.

Рабфаковцы сами следили за учебной дисциплиной на факультете. На Пермском рабфаке прогульщиков вначале штрафовали, а затем перешли к мерам морального воздействия.

В каждой студенческой группе выбирался президиум, который вел учет учебной работы каждого студента. Президиум давал предварительную оценку работы каждого студента за семестр. Совет группы, состоявший из преподавателей, ведущих занятия в этой группе, и равного количества студентов обсуждал эти рекомендации и выносил окончательную оценку работе студента и группы в целом. Преподаватели рабфаков отмечали объективность характеристик, даваемых студентами своим товарищам.

Первый выпуск Уральские рабфаки дали уже в 1920 году, когда в вузы было откомандировано 96 человек. В дальнейшем выпуски росли. В 1921 году Пермский и Уральский рабфаки подготовили для школы 291 человека. Многие из выпускников продолжали учебу на факультетах уральских университетов, некоторые были направлены в вузы Москвы и Ленинграда. В высшие учебные заведения приходило хорошо подготовленное пополнение. Как отмечал проректор Уральского университета профессор Н. П. Горин, «выпускники рабфаков по своей подготовке оказывались впереди выпускников школ II ступени»¹⁵.

Закаленные в труде и борьбе, имея хорошую жизненную закалку, студенты-рабфаковцы явились незаменимыми помощниками в создании фундамента пролетарской высшей школы, в проведении политической работы среди студенчества и трудящихся. Активно участвуя в деятельности предметных комиссий, они вместе с педагогами вынесли тяжесть всех трудностей, связанных с разработкой новых учебных планов и программ, определением новых методов учебной работы. Под руководством преподавателей они занимались оборудованием кабинетов и лабораторий¹⁶.

Рабфаковцы являлись застрельщиками в проведении политической и культурно-массовой работы студентов среди трудящихся Урала. Партийные организации активно использовали рабфаковцев для проведения политико-массовой работы на селе, особенно во время летних каникул.

Вся эта работа осуществлялась под руководством партийных ячеек рабфака. Коммунисты являлись инициаторами всех полез-

¹⁴ С 1921 г. на рабфаках были введены уклоны: технический, естественнонаучный и социально-экономический.

¹⁵ ГАСО, ф. 227, оп. 1, ед. хр. 25.

¹⁶ «Пермский рабфак за 10 лет», стр. 107; ГАСО, ф. 227, оп. 1, ед. хр. 37, л. 108; ед. хр. 25, л. 57; Государственный архив Пермской области, ф. 180, оп. 1, ед. хр. 906, лл. 156—157.

ных начинаний в вузах. С улучшением классового состава рабфаков росли и укреплялись партийные ячейки факультетов. Если к маю 1921 года партиячейка Уральского рабфака состояла из 80 человек, то осенью 1923 она насчитывала уже 248 коммунистов. В 1925 году процент коммунистов среди студентов рабфака составлял 42,8%, в то время как среди студентов основных факультетов Уральского университета — только 7—8%¹⁷.

В 1925 году в обоих уральских университетах ячейки РКП(б) рабфаков влились в общевузовские партиячейки, что в значительной мере способствовало усилению партийной работы в Уральском и Пермском университетах.

Коммунисты уральских рабфаков твердо стояли на марксистско-ленинской платформе, неустанно укрепляли свои ряды, борясь против всяких форм проявления мелкобуржуазного влияния. Политическая зрелость коммунистического студенчества Урала ярко проявилась во время борьбы с троцкистами, навязавшими партии новую дискуссию осенью 1923 года. Не надеясь найти опоры среди рабочих и крестьян, Троцкий и его сторонники делали крупную ставку на вузовские партийные организации. Однако они жестоко просчитались в своих надеждах. За троцкистами пошла лишь очень небольшая часть вузовской молодежи. Что касается коммунистов уральских вузов, то они дали троцкистам дружный отпор. Ячейка Уральского рабфака одной из первых на Урале обсудила вопрос о внутрипартийном положении и заклемила вылазку троцкистов. Коммунисты-рабфаковцы заверили Центральный Комитет, что они будут твердо проводить единую партийную линию. «Пусть это будет примером для всех студентов-коммунистов вузов СССР», — указывалось в резолюции партийного собрания рабфака¹⁸.

Стойкость уральского студенчества, проявленную во время дискуссии с троцкистами, отметил А. В. Луначарский, выступая в Екатеринбурге на общегородском собрании коммунистов в январе 1924 года¹⁹.

Борясь за улучшение качества идейно-политического воспитания на рабфаке, Уралбюро ЦК придавало особенно большое значение усвоению студенчеством марксистско-ленинской теории. На рабфак направлялись лучшие лекторы-коммунисты. На рабочих факультетах были кружки по истории РКП(б), политэкономии, философии, истории международного революционного движения. Для усиления кружковой работы на Уральском рабфаке Секретариат Уралбюро ЦК РКП(б) в июле 1922 г. решил прикрепить к нему трех своих ответственных работников, в том числе одного из руководителей Уральских большевиков — Ф. И. Голощекина, члена Уралбюро ЦК Д. Е. Сулимова, члена партии с 1903 г. Г. И. Ломова. Секретариат записал в постановлении, что от прикреплен-

¹⁷ «Студент — рабочий», № 2—3, 1925 г., стр. 31—32.

¹⁸ «Студент — рабочий», № 4—5, 1924 г., стр. 71—72.

¹⁹ «Уральский рабочий», 10 января 1924 г.

ных товарищей требуется «постоянное активное участие в кружковой, внеклассной работе...»²⁰.

За 1920—25 гг. уральские рабфаки выпустили свыше 1100 человек²¹, многие из которых поступили учиться в Уральский и Пермский университеты. Это было хорошее пополнение, ставшее ядром пролетарского студенчества в уральских вузах.

²⁰ Свердловский обл. партархив, ф. 1494, оп. 1, ед. хр. 70, л. 39.

²¹ Подсчитано на основании ряда документов ГАСО, ЦГАОР и СС, партархива Пермского обкома КПСС.

ВОСПОМИНАНИЯ

бывших преподавателей рабфака

М. СИГОВ

ШКОЛА ЗНАНИЙ, ШКОЛА ЖИЗНИ

Мысль об организации рабфака в Екатеринбурге возникла в 1919 году, вскоре после освобождения города от власти белогвардейцев. Был создан организационный комитет, выработавший к весне 1920 года учебно-организационный план. На основе этого плана осенью 1920 года был проведен первый набор студентов и начались занятия.

Первый ректор Уральского университета А. Пинкевич, бывавший на приемах у В. И. Ленина, рассказывает, как живо интересовался Владимир Ильич работой университета, предлагая, в случае затруднений, обращаться лично к нему.

На рабфак пришла совершенно новая, невиданная ранее в стенах учебных заведений молодежь.

Студенты-рабфаковцы пошли на штурм овладения знаниями, как недавно они шли на штурм белогвардейцев и интервентов. Старые преподаватели рабфака Уральского университета помнят слова своих учеников: «Мы победили Колчака и Деникина, и мы должны победить тьму, застилающую наши глаза».

Учение на рабфаке являлось для его студентов продолжением борьбы со старым миром за построение нового мира социализма, новым фронтом революционных боев. Отсюда все вопросы учебы и жизни на рабфаке приобретали для студентов совершенно новый, общественно-революционный смысл; отсюда твердая революционная дисциплина и атмосфера революционной романтики.

Бывшие студенты-рабфаковцы Д. Неустроев и П. Ярутин писали: «Окончив рабфак, мы чувствовали себя победителями, выигравшими большое и тяжелое сражение. Порой казалось, что легче идти в атаку, чем избавиться от ошибок в письме».

Условия жизни и учебы рабфаковцев были исключительно трудными: разруха, голод, отсутствие сколько-нибудь приспособленных учебных помещений и общежитий, острый недостаток топлива, холод, неудовлетворительное положение с учебниками, программами и методическими пособиями. Но целеустремленность и воля рабфаковцев сломили все.

Вот как описывает обстановку своей первой лекции рабфаковцам осенью 1920 года преподавательница русского языка и литературы О. В. Сигова: «Учебная жизнь еще не была налажена. Работали в нескольких помещениях. Моя первая лекция по литера-

туре была назначена в неприспособленном к занятиям здании по улице Всеобуча. Старый купеческий особняк, к которому примыкает затупенный сад с разбитым мраморным фонтаном. Рабфак-ковцы предложили заниматься в саду. Нашлись две скамейки, но большинство учащихся, привыкших к походной жизни, расположились прямо на траве, вооружившись тетрадами и карандашами».

Многим старым профессорам и преподавателям казалось, что из затей с рабфаками ничего не выйдет. Преподавателям рабфака того времени нередко приходилось слышать саркастические голоса: «Очередная фантазия», «Что вы гениев готовите?», «Прежние гимназии и реальные училища обучали детей интеллигентных родителей за семь, восемь лет, да и то далеко не все оканчивающие оказывались подготовленными к высшей школе».

Спор этот решила жизнь, когда студенты, окончившие рабфак, начали учиться в вузах. И маловеры должны были склонить головы перед неопровержимыми фактами, так как рабфак-ковцы оказались подготовленными не хуже, а лучше остальных поступающих.

В стенах рабфака учились не отдельные студенты, каждый из которых жил своей жизнью, а учился и боролся спаянный единой целью коллектив.

В практике работы сложились формы товарищеской взаимопомощи в учебе (коллективная проработка, прикрепление слабых к сильным, общественный буксир и т. п.), благодаря которым довольно значительная неуспеваемость в начале семестра резко сокращалась. Была создана студенческая академическая комиссия. Успешно работал совет групп. Председатель студкома входил равноправным членом в президум рабфака.

Силой и залогом успеха рабфака УГУ было то, что для его преподавателей и студентов учебно-воспитательная работа являлась творческим процессом. Задачи, поставленные новым временем строительства социализма, требовали и новых решений.

Кардинально пересматривались программы и методы преподавания. Для того, чтобы закончить подготовку в вузы в три года, нужен был коренной пересмотр всего учебного процесса.

Категорически отвергался прежний метод классных уроков: пассивного усвоения и запоминания. Проводилась установка на максимальную активизацию студентов, широко практиковались доклады, рефераты, практические занятия.

Неверно было бы рисовать работу на рабфаке в спокойно благополучных тонах. Учебно-воспитательный процесс был трудным, далеко не безошибочным и не безболезненным. Новое и правильное рождалось в борьбе и исканиях. Преподаватели рабфака не только учили, но и учились сами, росли, перевоспитывались, становясь подлинно советскими учителями знания и культуры.

Необходимо особо подчеркнуть, что при предельной загрузке студентов учебными занятиями, при трудных бытовых условиях на рабфаке была широко развита внеклассная работа кружков.

На рабфаке Уральского университета плодотворно работали

три кружка: литературно-художественный, общественно-исторический и физико-математический.

Большое воспитательное значение имела вся обстановка жизни и работы рабфака, состав студентов, воздействие коллектива и, особенно, организующая роль партийной и комсомольской организаций. Широко велась воспитательная работа в форме лекций, диспутов, тематических вечеров, товарищеских судов.

Большое внимание обращалось на художественную самодеятельность студентов. В первый же год существования рабфака Уральского университета образовался студенческий хор, благодаря которому хорошая песня вошла в жизнь и быт студенчества. Для рабфаковцев стало лозунгом: «И тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет».

Широко развита была на рабфаке студенческая пресса. Боевыми органами критики, злободневного освещения хода учебы, жизни и быта студенчества являлись стенные газеты, листовки, «молнии», странички сатиры и юмора. Особенно важную роль играл журнал «Студент—рабочий».

Рабфак Уральского университета являлся не только хорошей школой знания, но и школой жизни, школой подлинной общественной и коллективизма.

И для преподавателей, и для студентов это были особые, незабываемые годы подъема, горения, упорной, вдохновенной работы, особой идейно-товарищеской спайки, когда каждый чувствовал рядом плечо друга. И не случайно старые преподаватели рабфака УГУ и старые рабфаковцы с волнением и радостью вспоминают годы работы на рабфаке. Вспоминают с такой теплотой, как однополчане о былых военных походах.

УПОРСТВО, ТРУД, ЖАЖДА ЗНАНИЙ

Четыре десятилетия я связана с Уральским государственным университетом, куда в 1920 году поступила в качестве преподавателя русского языка и литературы рабочего факультета.

Что привело меня, молодого преподавателя, на рабфак? Я думаю, что были две причины. Очевидно, здесь имела значение моя предыдущая работа со взрослой рабочей аудиторией в то время, когда я училась на Московских высших женских курсах (1912—1916 гг.). Это первая причина. Вторая. Я знала с юных лет «почем фунт лиха», как и большинство рабфаковцев. Я так же, как и молодые рабфаковцы, в свое время стремилась получить высшее образование, чего при моей материальной необеспеченности достигла путем непрерывного труда и героических усилий. Вот чем объясняется мое сочувствие рабфаковцам и горячее желание помочь им. Приход на рабфак определил всю мою сорокалетнюю трудовую жизнь в Уральском университете.

В 20-м году на рабочий факультет пришли особенные, невиданные до того студенты. Они поступали по командировкам профсоюзных организаций, комсомола, полтитотделов армии, с фронтов гражданской войны. Это были взрослые люди, которые в большинстве случаев закончили трехклассную начальную школу, иногда даже ликбез, и дерзали в 3—4 года получить знания, необходимые для поступления в вузы различных специальностей.

Студенты рабфака так же героически боролись за знания, как перед тем они героически боролись за успехи на производстве и на фронтах гражданской войны. Это подкупало нас, преподавателей, и мы всемерно стремились помочь молодежи овладеть знаниями. Заряженные революционным пафосом, наши ученики «грызли гранит науки». Несколько ярких фактов дадут вам представление об учебе и жизни рабфаковского коллектива в те годы.

Для рабфака, самого большого факультета в Уральском университете (700 человек на утреннем и вечернем отделениях), в 1920 году было выделено старое здание по бывшей Уктусской улице (теперь улица 8 Марта), где сейчас помещаются гуманитарные факультеты нашего университета. Здание это тогда было трехэтажным, с печным отоплением, разбитыми окнами. Иногда было так холодно в аудиториях, что чернила замерзали. Мы всем коллективом рубили дрова, а разбитые стекла за недостатком бумаги заклеивали революционными воззваниями. Говорю «мы», так как работали одинаково и студенты и преподаватели.

Не было учебников и программ. Вопрос о новых программах неоднократно обсуждался в предметных комиссиях, на партийных собраниях, в президиуме рабфака. При обсуждении составленных нами программ люди, наиболее скептически настроенные по отношению к старой школе, ставили вопросы: «Нужен ли в пролетарской школе Пушкин?», «Нужна ли старая грамматика?», «Не контрреволюция ли это?».

Председатель профкома студент Анфилофьев (впоследствии окончил Институт красной профессуры) в ответ на мое замечание по поводу орфографических ошибок в его работе сказал, смотря на меня с сожалением: «И чего Вы, Агния Ивановна, напрасно беспокоитесь: ведь орфографию-то в апреле отменяют».

Помню и такой случай. В группе, где было много фронтовиков, один из них написал с ошибкой в инфинитиве глагол «учиться» (пришел на рабфак учиться), написал без «ь» и не соглашался исправить ошибку, а обратился к аудитории: «Голоснем, ребята». И сказал это совершенно серьезно. Правда, большинством студентов это предложение было встречено веселой насмешкой. Я же заявила о своих правах командира в учебной аудитории и приказала ставить «ь» в словах, отвечающих на вопрос «что делать?». Так у нас на первых порах шла грамматика и обучение орфографии.

А художественные образы в поэмах Пушкина и музыка его стихов, которые мы, словесники, читали студентам, буквально заворачивали, покорили наших слушателей. Мною целиком были прочитаны поэмы Пушкина «Медный всадник», «Полтава», отрывки из «Евгения Онегина» и многие лирические стихотворения. Почти каждое чтение оканчивалось просьбой слушателей прочесть «19 октября». «Роняет лес багряный свой убор...» — читала я мелодичным тогда голосом.

Анастасия Иосифовна Корякова, бывшая рабфаковка, впоследствии врач окулист, рассказала мне, как трудно давалась ей математика. Математик вызывает ее к доске. Между ними происходит следующий диалог:

— Корякова, докажите, что это прямой угол.

— Да что его доказывать, Александр Герасимович, когда и так видно, что он прямой.

— А как вы будете определять периметр прямоугольника?

Корякова молчит.

— Ну, например, сколько вам нужно ниток, чтобы подшить платок?

— На машине, Александр Герасимович, в два раза больше, чем на руках.

— Садись — с сердцем сказал математик Якимов.

В первые годы перевод студентов на следующий курс происходил без экзаменов, на классном собрании это решали простым голосованием присутствующих. В сомнительных случаях, при недостаточной успеваемости по какому-нибудь предмету, студенты говорили, что данный товарищ «свой человек», что группа поможет ему подтянуться — и вопрос о переводе решался положительно. То-

варшеская помощь была очень щедрой. Вероятно, потому отстающих у нас не было.

Но мы не только занимались учебой и политической подготовкой. Не все же время мы сидели в аудиториях и дрожали от холода в старых пальтишках и простреленных, продымленных на фронте шинелях. Наши студенты умели и отдыхать. У нас были свои поэты, прозаики, драматурги. Был драматический кружок, участники его ставили пьесы.

Один из бывших рабфаковцев, Коля Федотов, теперь доктор, профессор Томского медицинского института Н. П. Федотов, в послании к сорокалетию университета вспоминает, как он писал пьесы, а преподавательница Данилова их ставила. Этими постановками занимались словесники, причем совмещали в одном лице не только режиссера и суфлера, но и ряд других профессий: костюмера, гримера, руководителя хора и танцев. Позднее пригласили в руководители хора старого учителя пения Ф. С. Узких; под его руководством рабфаковский хор пользовался большим успехом. Хор наш был единственным в городе, и его приглашали повсюду: в учебные заведения, на торжественные собрания и т. д. Дома, на рабфаке, хористы часто выступали экспромтом. Репертуар у них был большой...

Теперь о быте. Питались рабфаковцы в столовой, которая помещалась где-то внизу, в учебном здании, питались и в общежитии. Хорошо помню, как некоторые студенты жили коммуной, получая сухой паек. Девушки тащили в большом количестве воблу и соленую птицу. Мы, преподаватели, получали так называемый академический паек, в нем вобла была заменена очень соленой рыбой. В пайке была какая-то грубая мука, вроде овсяной. С воблы и соленой рыбы всем очень хотелось пить, и поэтому воды выпивали немалое количество.

А. И. Корякова рассказывает, что когда она работала в глазной больнице и жила в общежитии медицинских сестер, то ее однокурсники (Федотов, Потопаев, Харитонов и Овчинников) напросились к ней в гости попить чайку. Чай был морковный (все мы пили морковный чай: другого не было). Вчетвером гости выпили казенный ведерный самовар. Отвели душу!

Говоря о студенческом быте, я должна отметить, что в студенческих общежитиях не было случаев пьянства и кражи.

Я еще раз должна подчеркнуть одно самое положительное явление нашей жизни: чувство товарищества и дружеской помощи. Вот тогда уже начали претворяться в жизни те принципы, о которых говорится в Программе Коммунистической партии, что человек человеку друг, товарищ и брат.

Бывшие рабфаковцы в ответ на наш призыв послать воспоминания к сорокалетию университета в один голос заявляют, что годы учебы на рабфаке были самыми счастливыми в их жизни. Профессор-доктор Томского медицинского института Николай Петрович Федотов, поступивший на рабфак в 1921 году, пишет: «Я уже 41-й год состою в рядах КПСС, мне 59 лет, но я живо

помню своих преподавателей, столь ценных для меня людей». Бывший рабфаковец, ныне начальник управления химической промышленности Пермского совнархоза, К. Н. Глухих вспоминает: «Мы, откровенно говоря, гордились званием рабфаковца и считали себя счастливыми, т. к. желающих учиться было больше, чем путевок. Неизгладимы годы учебы на рабфаке, как лучшие годы моей жизни».

ЛЮБОВЬ К РОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Я, старая преподавательница русского языка и литературы, работала на рабфаке Уральского университета с первого дня его организации, с осени 1920 года, потом на многочисленных специализированных рабфаках в течение всего периода их существования.

Сколько встает воспоминаний о формах, программах и методах работы, о разнообразной аудитории, о коллегах-преподавателях, о дорогих учениках и взаимоотношениях с ними. Такой благодарно-стязчивой аудитории, такой жажды знаний, такой активности в работе, такой поднятой целены народных сил и способностей, таких богатых всходов знаний—я не встречала больше нигде.

Одно из важнейших положений педагогики А. С. Макаренко— утверждение, что в учебно-воспитательном процессе ученики должны быть не объектами воспитания, а активными участниками учебно-воспитательного процесса. На рабфаке, и в частности в преподавании литературы, было именно так. Представители студентов входили в состав нашей предметной комиссии русского языка и литературы, активное участие студентов значительно помогало успешным поискам нового в программно-методических вопросах. В таком участии студентов в нашей работе не было никакого умаления достоинства педагогов, никакого панибратства. Скорее, наоборот, авторитет педагогов повышался.

Сознательная, активная аудитория рабфаковцев помогала нам освобождаться от наследия прежнего школьного назидательного подхода и наладить пути более активного усвоения, самостоятельного мышления и самостоятельности наших учеников.

На рабфак пришли преподаватели литературы—энтузиасты, воспитанные на принципах ее идейности и высокой художественности.

Салтыков-Щедрин завещал своему сыну: «Паче всего люби родную литературу». Вот этот завет любви к родной литературе мы прежде всего и хотели передать нашим ученикам.

Помню, какое огромное впечатление, какие отклики, какую жажду чтения вызвало ознакомление с поэмой А. Блока «Двенадцать». Рабфаковцы сразу начали понимать, какой огромной вдохновляющей и мобилизующей силой являются художественная литература и поэзия.

Отрывки стихов А. Блока заучивались и декламировались на

память. В аудиториях, в коридорах и в комнатах общезнаний можно было слышать поэтические строфы:

«Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост».

«Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!
Товарищ, винтовку держи, не трусь!
Пальнем-ка пулей в Святую Русь!».

Обсуждение поэмы Блока было перенесено в литературный кружок всех рабфаковцев. Какие споры там развернулись! И особенно важно то, что в оценках произведения было не слепое повторение мыслей преподавателей и критических статей, а высказывание своих мыслей и чувств.

Постоянное ощущение связи художественной литературы с жизнью, с современностью, с мыслями, стремлениями и борьбой советских людей твердо поддерживалось у студентов тем, что в преподавании литературы упор делался на современную советскую литературу. Понятно, как созвучны студентам-рабфаковцам были такие художественные произведения, как «Чапаев» Фурманова, «Цемент» Гладкова, «Железный поток» Серафимовича, «Комсомолия» Безыменского, «Неделя» Либединского. Ведь тематика этих произведений, жизнь и борьба их героев особенно близки рабфаковцам, тому, что пережили они сами.

Важно подчеркнуть, что изучение художественной литературы пробуждало и стимулировало развитие собственного художественного творчества. В результате организовался и очень активно работал студенческий кружок художественного творчества. Тяга к литературному творчеству была огромной. Подавляющее большинство произведений рабфаковцев не шло дальше авторов и небольших кружков ближайших друзей. Но скоро выявилась группа поэтов и прозаиков, которые стали печататься в журнале «Студент — рабочий». Назовем Молчанова, Потопаева, Малышакова, Козина, Грезова, Яранцева, Мажарова, Кирюшкина, Аркмана. Характерны названия стихотворений: «Кто мы», «Новому рабфаковцу», «Люблю завод», «Рабфаковцы — мы», «На рабфаке», «Первое мая», «Зори», «Помни в пути наше верное знамя — пожар Октября».

В нескольких номерах печаталась поэма В. Молчанова «В Москву без денег».

Вспоминается стихотворение Андрея Потопаева «На смерть вождя»:

«У пламенеющих, кровавых стягов
Нет больше молота, что видел и разял,

И даль скрывается туманностью для взглядов,
И новый день сменяется другим.
Все стали строже поступью движений,
У линий дальних сдвинуты черты.
Отдать нельзя великих достижений,
Стоять нельзя у неповской версты.
И нет вожди! Безмерная утрата
Сомкнет плотней железные ряды.

Редакционный портфель ясно показывал, какая поднялась мощная целина творческих сил рабоче-крестьянской молодежи. И редакция журнала стремилась помочь выявлению и культивированию этой творческой целины. Она организовала специальный литературный конкурс. В объявлении об этом конкурсе говорилось: «В целях привлечения студентов-беллетристов к участию в литературном отделе журнала, а также для выявления художественных дарований в массе студенчества журнал организует конкурс на лучший рассказ».

Литературно-творческое начало, заложенное на рабфаке, не пропало и для тех, кто не вышел на дорогу художественного творчества. Ярко встает в памяти образ моего любимого ученика, рабфаковца, поэта В. Молчанова, которому я усиленно советовала поступить после окончания рабфака на филологический факультет или в институт журналистики, но он избрал военно-медицинскую академию.

Недавно я получила от В. Молчанова, военного врача-пенснера очень теплое и очень интересное письмо.

«Вы спрашиваете,—лишет он,—как я развил и применил в жизни свое творческое начало. Чувство реального подсказало мне, что путь литературы мне избирать нельзя, кстати, и время было такое. Но «ростки творчества» так и живут, не успев развиться. Меня никогда не покидает какое-то тепло. Где-то в груди засел кусочек «радия» и понемногу излучает. Попробуй загаси его».

Основные лозунги советского человека—никогда не отрывать-ся от жизни, жить современностью, борьбой за разрешение задач нашего времени, максимально используя в этой борьбе опыт прошлого. И нам, старым преподавателям рабфака, хочется познакомиться с современной молодежью с тем, как учились рабфаковцы в первые годы советской власти.

П. БОРОДИН, доцент

БЛИЖЕ К ПРАКТИКЕ, К ЖИЗНИ

Дореволюционная система народного образования создавала преграды для поступления трудящихся в высшую школу. Революция смела эти преграды. Рабочие факультеты стали теми каналами, по которым и устремилась пролетарская молодежь в стены вузов.

Юноши и девушки, шедшие на рабочие факультеты, были полны желанием получить подготовку для поступления в высшую школу. Я лично знал тоску нашей трудовой молодежи по образованию (тоску, смешанную с обидой), и верил в ее успешную работу в школе. Нужно было целеустремленно направить это желание, так организовать учебный процесс, чтобы в сравнительно короткий срок подготовить молодежь с небольшим образованием в высшие учебные заведения.

Я был приглашен на рабочий факультет, организуемый при Уральском горном институте, в августе 1920 года. Работа первое время заключалась в помощи дирекции (учебной части) в наборе студентов и в привлечении преподавателей. Но вскоре, когда определился контингент студентов, перед коллективом преподавателей встала большая учебно-организационная и методическая работа.

Рабочие факультеты — детище революции — не имели никаких учебно-организационных традиций, не говоря уже о программах и методах преподавания. Все необходимо было создавать вновь. Учебно-организационная и методическая работа коллектива преподавателей носила революционно-творческий характер, отличалась законченностью, полнотой. Были пересмотрены учебные планы и программы средней школы, определилась и методика преподавания. Организованный в 1920 году Уральский университет был по существу индустриально-техническим высшим учебным заведением, поэтому нашему рабочему факультету был придан технический уклон. Это заставляло преподавателей углубленно проходить физику и математику и, учитывая небольшое время занятий на рабфаках, с исключительным вниманием отнестись к отбору учебного материала по этим дисциплинам, стремиться к тому, чтобы в программах не было ничего лишнего, загружающего память учащихся, и вместе с тем не было упущено важное, необходимое и чтобы родственные дисциплины, как физика и математика, во многих вопросах были в тесной связи, что значительно облегчило бы их усвоение.

Но успех преподавания, как известно, обуславливается не толь-

ко применяемым методом. Не считаясь со временем, преподаватели с революционным подъемом создавали условия для его осуществления. Они сознавали, что для успешной работы рабфаковской аудитории, недостаточно изложения одних физических закономерностей, гипотез и теорий. Необходима связь этих закономерностей с техникой и окружающей обывденной жизнью. В каникулярное время преподаватели получали командировки на заводы (Верх-Исетский, Надеждинский, Чусовской и другие) для ознакомления с производством. Этим облегчался выбор иллюстративного материала для преподавания физики и подбор задач, близких к вопросам техники.

Преподавание на рабочих факультетах требовало от педагога хорошего знания рабфаковской аудитории, хорошего знания учебной литературы и, вообще, широкой эрудиции в преподаваемой дисциплине. Студенты отвечали преподавателям самоотверженностью в работе. С исключительным упорством они осваивали учебный материал и были верными помощниками и в организации учебного процесса, и в оборудовании лабораторий. Часто при проработке учебного материала студенты выходили из рамок заданий. С большим вниманием они следили за развитием техники в нашей стране. План электрификации, план ГОЭЛРО, составленный по инициативе В. И. Ленина, радиофикация страны, первый трамвай в Свердловске не проходили мимо внимания студентов.

Вопросы о недисциплинированности студентов у преподавателей не возникали. А если недисциплинированность иногда и случалась, то она быстро утасала под воздействием коллектива.

Отстающим оказывалась товарищеская помощь, а если она была недейственной, группа просила дирекцию откомандировать такого студента обратно на производство.

В ПОИСКАХ НОВОГО

Рабочие факультеты имели своей целью подготовку в кратчайший срок рабочих и крестьян для занятий в высшей школе.

На первых порах плохо верилось, что в такой небольшой срок можно усвоить весь тот учебный материал, на изучение которого в обычной школе тратилось 8—10 лет.

Плохо верил в это и автор настоящей статьи, свидетельством чего служит его заметка под заглавием «Ставка на сильного», напечатанная в порядке обсуждения в журнале «Студент—рабочий», в которой он проводил мысль, что овладеть учебным материалом в такой короткий срок могут только наиболее сильные и одаренные учащиеся.

В дальнейшем жизнь опрокинула эти выводы и доказала, что при наличии известных условий, можно осилить поставленную перед рабфаками задачу.

Какие же условия нужны были для этого, и что способствовало столь быстрому усвоению учебного материала в стенах рабфака?

Прежде всего нужно отметить, что на рабфак пришли люди с единственным желанием: как можно скорее овладеть основами наук. Это желание было так сильно, так захватило целиком души молодежи, принятой на рабфак, что она, несмотря на неблагоприятные условия, не жалея сил, дни и ночи отдавала тому, чтобы овладеть нужными знаниями.

Понятно также и то, что это обстоятельство не могло не отразиться и на работе преподавательского состава. Преподаватели тоже загорелись желанием во что бы то ни стало, как можно скорее передать знания учащимся.

Начались поиски новых путей; аудитория рабочих и крестьян торопила, требовала ясного, краткого изложения учебного материала, требовала самого главного, самого нужного.

В обычной школе преподаватель руководствовался учебником и редко отступал от него. Страница за страницей он изучал с учениками этот учебник. Ясно, что для рабфака такой метод занятий был неприемлем.

Скажем, изучаем тригонометрические функции. Вопрос важный. Следовательно, надо остановиться на нем подробно. И изучать его можно по-разному. Выбираем наиболее простой способ. Заставляем начертить прямоугольный треугольник с острым углом в 30° . Выясняем, что такое 30° . Надо добиться от учащихся понимания того, что это число, равное $\frac{1}{2}$. Для этого измеряем

катет, лежащий против угла в 30° ; измеряем гипотенузу, делим первое число на второе, получаем $\frac{1}{2}$. Говорим, что синусом острого угла называется отношение катета, лежащего против этого угла, к гипотенузе. Подобным же образом выясняем понятие и о других тригонометрических функциях.

А в дальнейшем на этой базе даем понятие о тригонометрических функциях любого угла.

Если в области теории математики шла та работа, о которой мы говорили, то необходимо также было провести ее и на практических занятиях по математике. Примеры, задачи, различного рода чертежи, таблицы, диаграммы—все это нужно было пересмотреть, подвергнуть строжайшему анализу. При отборе следовало в высшей степени осторожно подходить к выбору задач из стабильных учебников, руководствуясь в основном принципом, что учащимся нужно давать такие задачи, которые способствуют работе у них практических навыков.

На предметной комиссии математики обсуждались разные вопросы: методы преподавания, содержание заданий, работа преподавателей и другие. На заседаниях комиссии, как правило, присутствовали представители учащихся и в работе ее принимали активное участие. Мы не боялись критики, и все замечания учащихся по поводу работы преподавателей близко принимали к сердцу и исправляли то, что нужно было исправить.

Говорят теперь, что после критики падает авторитет преподавателя. Едва ли. Наоборот, после такого рода бесед устанавливались более близкие и тесные отношения; откровенность давала положительные результаты. Получалось так, что преподаватели воспитывали учащихся, а учащиеся, в свою очередь, помогали преподавателям. Педагог рос вместе с аудиторией, и не даром многие преподаватели считали свою работу на рабфаке своеобразной школой, где они многому научились.

О ПАРТИЙНОЙ РАБОТЕ НА УРАЛЬСКОМ РАБФАКЕ

Партийная ячейка рабочего факультета Уральского государственного университета, созданная по решению райкома РКП(б) осенью 1920 года, была одной из крупнейших организаций города. Руководило всей партийной работой на рабфаке факультетское бюро партячейки. Партийное влияние в учебных группах осуществлялось через делегатский аппарат, состоявшийся из делегатов от коммунистов каждой учебной группы. С 1924 года были организованы семестровые (курсовые) коллективы коммунистов, возглавляемые бюро из 3-х человек.

В 1925 году было проведено объединение коммунистов всех факультетов УПИ в одну общеполитическую парторганизацию. Бюро, в количестве 18 человек, выбиралось на общеполитическом собрании коммунистов. Из состава бюро выделялся рабочий президиум из 5 человек. Парторганизации факультетов возглавлялись парторгами. На рабфаке по-прежнему сохранился институт партделегатов от коммунистов каждой учебной группы. Они хорошо проводили партийную линию в группах.

Важным обстоятельством успешного проведения партийной и комсомольской работы на рабфаке было то, что коммунисты и комсомольцы, особенно в двадцатых годах, составляли на рабфаке значительное, а иногда и абсолютное большинство среди студенчества. Так, например, коммунистов на рабфаке в апреле 1922 года было 121 человек, осенью 1925 года — 262 человека. Комсомольцев осенью 1922 года было 168 человек, в 1925 году — 288 человек. Таким образом, коммунисты и комсомольцы вместе к общему составу студентов составляли в 1922 году — 66 %, в 1925 году — 90 %.

Партийным организациям рабфаков приходилось решать сложные и многообразные задачи. Трудности усугублялись отсутствием какого-либо опыта.

Парторганизация на рабфаке начала свою деятельность с работы по сплочению студентов на хорошую успеваемость в учебе. Партячейка широко привлекала партийных и беспартийных студентов к разработке учебно-программных вопросов в предметных комиссиях, проводила учет и контроль успеваемости студентов в учебных группах. Она боролась за преодоление материальной необеспеченности рабфака, обращалась по этим вопросам в соответствующие органы (партийные, советские, профсоюзные, хозяйственные). доставала оборудование, добавочное продовольствие и

обмундирование для студентов (через хозорганы, предприятия, профсоюзы и т. д.).

Партячейка считала, что в борьбе за завоевание высшей школы, за овладение наукой, знаниями, техникой важнейшая задача пролетарского студенчества — учиться марксизму-ленинизму. Партячейка настойчиво разъясняла рабфаковцам, что пролетарское происхождение студентов должно дополняться усвоением пролетарской идеологии, пониманием задач рабочего класса, пониманием его исторической миссии.

Партячейке приходилось много внимания уделять вопросам полит-воспитательной работы. Она организовывала различного рода кружки, например, по изучению истории РКП(б), диамату, тактике большевизма, истории международного и русского революционного движения, циклы лекций по обществоведению, отдельным вопросам философии, литературы. Руководителями кружков назначались обычно наиболее грамотные товарищи из партактива. Из-за недостатка подготовленных лекторов к чтению лекций привлекались товарищи из вышестоящих парторганизаций, в том числе в отдельных случаях из Уралбюро ЦК РКП(б).

Социальный состав студентов в первые годы не всегда отвечал требованиям комплектования рабфака. В первом, 1920—1921 учебном году, на рабфаке обучалась, например, целая группа «рабфаковцев» из бывших гимназистов, реалистов и прочих. Эта группа открыто осмелилась в 3-ю годовщину Октябрьской революции продемонстрировать свою враждебность Советской власти, устроила для себя в день праздника групповое занятие. Возмущенные рабфаковцы силой вышвырнули их из помещения рабфака, не постеснявшись особо сопротивлявшимся намять бока.

Ячейка настойчиво вела работу по улучшению социального состава рабфака, требовала проведения регулярных его чисток от чуждых элементов.

Студенческие организации добились от президиума рабфака постоянного и равноправного участия своих представителей в комиссиях по приему новых студентов. Тогда это было очень важно. Недостатки комплектования рабфака тщательно изучались партячейкой. Был сделан вывод о целесообразности предварительной подготовки на самих предприятиях кандидатов из рабочих к поступлению на рабфак. Этот вывод был доложен вышестоящим партийным и профсоюзным органам. В результате об улучшении проведения приема новых студентов на рабфак говорилось даже на областной партконференции, а Уралбюро ЦК РКП(б) и Уралбюро ВЦСПС дали местным организациям по этому вопросу специальные указания.

Партячейка рабфака помогала парторганизации университета проводить борьбу против консервативной части профессуры и реакционного студенчества, делавшего иногда открытые враждебные вылазки. Например, зимой 1922 года реакционная часть студенчества университета на общеуниверситетском собрании по выбору в Советы пыталась сорвать голосование за кандидатов в депу-

таты. Между рабфаковцами и реакционной частью универсантов произошли бурные столкновения, с обеих сторон в ход пускались кулаки.

В 1922 году студенческие организации потребовали от президиума рабфака усиления идейно-воспитательной работы на факультете, а также равноправного участия представителей студентов в деятельности по организации и проведению учебного процесса на рабфаке.

Президиум рабфака отнесся отрицательно ко всем этим требованиям и отказался их удовлетворить. По вопросу же равноправного участия студентов в улучшении учебного процесса декан факультета заявил: «Не дело студентов вмешиваться в учебные дела... Вы не специалисты... Ваше дело учиться».

Партячейка повела борьбу за пролетаризацию (как мы тогда говорили) линии в президиуме рабфака, за усиление партийного влияния на рабфаке. Практически встал вопрос о замене беспартийного декана партийным руководителем.

Ячейка решила доложить о сложившейся обстановке Уралбюро ЦК РКП(б), что и поручено было сделать делегации из 3-х человек. В конце 1922 или начале 1923 года наша делегация была принята тов. Бела Куном, работавшим тогда в Уралбюро ЦК РКП(б). Свое сообщение мы закончили выводом: в президиуме рабфака не обеспечивается партийная линия, и этого нельзя исправить, пока рабфак возглавляет беспартийный декан. Бела Кун очень подробно расспросил нас о президиуме и его составе, о преподавателях, состоянии учебы, партработы, о жизни и быте студентов. Он обещал в скором времени разобраться в вопросе и принять меры.

Не более как через месяц руководство рабфака было обновлено, деканом назначен коммунист из аппарата Уралбюро ЦК РКП(б). Во всей жизни рабфака с этого времени (к началу 4-й годовщины) наступил перелом к лучшему. Стало легче работать и учиться. Пополнился коммунистами и состав преподавателей обществоведения.

Одним из важнейших на рабфаке был вопрос о взаимоотношениях между преподавателями и студентами.

Рабфак с первого дня являл собою картину бурной общественной жизни, обычно насыщенной злободневными политическими вопросами и задачами. Для студентов такая обстановка была родной и естественной. Большинство же преподавателей вначале сторонилось этой бьющей ключом общественной жизни. Многие из них рассматривали свою роль на рабфаке по преимуществу просветительски, заявляя, что они стоят вне политики.

Студенты же считали, что преподаватели должны не только учить, но и быть общественниками. Девиз «быть вне политики» студенты рассматривали как политику противодействия некоторым важным мероприятиям, проводившимся на рабфаке. Они требовали от преподавателей полной поддержки проводимых на раб-

факе мероприятий, активной помощи в важной задаче завоевания высшей школы.

При этом возникали случаи обострения взаимоотношений студентов с преподавателями, иногда даже конфликты. На рабфаке имели место факты схоластических приемов в преподавании, иногда идеологические извращения.

Многие преподаватели не могли сразу понять задачи рабфаков, и поэтому для самих преподавателей рабфак являлся школой перевоспитания, школой преодоления старого мировоззрения, школой перехода к новому, марксистско-ленинскому мировоззрению.

В 1923 году произошло обострение взаимоотношений студентов и преподавателей рабфака. Поэтому в конце 1923 года было созвано специальное заседание бюро ячейки РКП(б) рабфака по этому вопросу и принято развернутое решение. В нем была дана принципиальная оценка сложившимся взаимоотношениям студентов с преподавателями.

Бюро призвало преподавателей широко участвовать в общественной жизни рабфака и в проводимых студенческими организациями мероприятиях. В решении бюро были в то же время отмечены и осуждены случаи нетактичного отношения отдельных студентов к преподавателям. С резолюцией мы познакомили всех преподавателей, для чего созывалось общее собрание преподавателей рабфака. Однако они не согласились с доложенной им резолюцией партийного бюро.

Партийная организация рабфака получила из этой истории суровый урок, поняла свою ошибку, убедилась, что недостаточно вела работу среди преподавателей. Усиление ее привело к улучшению взаимоотношений с ними.

Партийная и комсомольская организации Уральского рабфака своей деятельностью помогали решать задачу успешной подготовки рабфаковцев в высшие учебные заведения. Вместе с тем, бывшие рабфаковцы явились той социальной силой, которая во многом способствовала завоеванию высшей школы пролетариатом.

В 1923 году, в третью годовщину Уральского рабфака, студентам было преподнесено Красное знамя. Представитель Уралбюро ЦК РКП(б), от имени которого было вручено знамя, заявил тогда об уверенности, что пролетарское студенчество под этим знаменем завоеует высшую школу. Уральские рабфаковцы с честью оправдали доверие партийной организации области.

ВОСПОМИНАНИЯ РАБФАКОВЦЕВ

В. МОЛЧАНОВ,
врач.

ЛИРИЧЕСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Летом 1922 года в город Верхне-Уральск Челябинской губернии приехали рабфаковцы Василий Шкаев и Николай Макаров, которые и заронили в умы своих земляков мечту о рабфаке. А в августе два кандидата—я и Василий Ульянов—двинулись в Челябинск за получением путевок согласно указанию губкома РКП(б). Десять дней длился наш поход в Челябинск. Временами шел дождь. Дороги испортились. Наши пожитки тряслись на подводе, а сами мы больше шли пешком. Был тогда голод, ноги шагали плохо, но над нами были крылья мечты. 23 августа мы уже получили путевки.

Из Челябинска поезд быстро примчал нас в Екатеринбург.

В приемной рабфака среди простых рабочих и крестьян толпились вкрадчиво-вежливые пареньки и грациозные мамзельки, направленные на рабфак чьей-то щедрой рукой. Но только небольшая часть их проскакивала сквозь шипы приемной комиссии, а впоследствии и они отсеивались густым решетом рабфаковского коллектива.

После проверки документов начались вступительные экзамены. Главное внимание было обращено на русский язык и арифметику.

Но вот и экзамены сданы. Ечерашний рабочий стал студентом рабфака.

«Ты вчера рукой рабочей
Резал солнечную сталь,
Чтоб скорей во мраке ночи
Засияла людям даль.

А сегодня взял ты в руки
Новой мудрости резец —
Правду ленинской науки,
Лучшей жизни образец».

Основная масса рабфаковцев состояла из рабочих и крестьян с низшим образованием. Учиться было очень трудно, так как за три года надо было получить среднее образование.

Но каждый рабфаковец знал, что он выполняет задание Родины, что полученные знания он должен поставить на службу трудовому народу.

Студент Скоморохов в своем стихотворении так выразил думы рабфаковца-рабочего:

«Мне в память хлестнулся бывшего поток,
Невольно я вспомнил токарный станок,
И грохот мотора, и шум шестерен —
Как просто мне было работать на нем!

Как тяжело мне было от вас оторваться —
От гулких станков, от рабочей семьи.
Но все же решил, что должно это случиться...
Я скоро вернусь к вам, любимцы мои!».

Процесс непрерывного совершенствования, несмотря на тяжелые условия, был характерной чертой всего рабфаковского коллектива.

«Сам Ленин дал задачу нам
Учиться, рук не покладая,
Хотя бы борода седая
Свисала веником к ногам».

В нашей учебной группе было несколько «старичков», например, Ярутин, Золотарев, Rogozin и другие. Им было лет под тридцать. Молодая часть группы сначала снисходительно и с жалостью смотрела на «старичков», считая их менее способными к учебе. Каково же было наше удивление, когда они на очередном занятии с исключительной точностью отвечали на все вопросы преподавателя, игнорируя наши подсказки. Оказалось, что все домашние задания они не только выучили, но и хорошо законспектировали.

Многих своих товарищей я вижу ярко, словно расстался с ними только вчера. Но среди всех неизменно выисется фигура Никиты Гущева. Вот он стоит высокий и костлявый в старой шинели и косматой шапке. Лицо смуглое с мелкими веснушками. Большой нос с горбинкой нависает над слегка вывернутыми губами. Треугольные карие глаза светятся добротой с веселыми искорками. Говорит он простоватым «деревенским» языком. Иногда запоем сильным простуженным голосом:

«Ходит парень по деревне,
Вся рубаха в петухах».

Низкая грамотность, природная скромность и доброта создали у окружающих впечатление о нем, как о деревенском простаке. И только одно обстоятельство шло вразрез: не было такой математической задачи, особенно тригонометрической, которую не смог бы решить Никита Гущев. Самые способные рабфаковцы шли к нему за помощью, когда «зашивались».

После окончания рабфака Гуцев уехал в Пермь. С тех пор я ничего о нем не слыхал. Гуцев являет собой пример, как полная лишений и нищеты, жизнь дооктябрьской России мяла и душила народные таланты.

Не только в аудиториях, но и в общежитиях день и ночь шел штурм науки. Идешь, бывало, вечером по улице Чапаева и видишь ярко освещенные окна рабфаковских общежитий. Они светились и поздней ночью. Одни спят, другие занимаются. Затем роли меняются. Столы покрыты старыми газетами. Среди книг и тетрадей возвышается большой чайник, рядом буханка хлеба с воткнутым ножом. Пища духовная «комплексируется» с телесной. Храп спящих перекликается с шелестом бумаги и шуршанием карандашей.

Рабфаковцы с большим уважением относились друг к другу, особенно в вопросах учебы. Если кому-либо надо было заниматься ночью, то все остальные терпеливо переносили неудобство электрического света для спящих.

На рабфаке часто устраивались общие собрания, на которые студенты шли, как на праздник. За несколько минут до начала огромный, высокий зал гудел, как улей. Какие замечательные, какие активные были собрания! Счастливыми были тогдашние докладчики и ораторы, ведь их слушали с искренним интересом.

Все объяснялось тремя причинами: жаждой знаний, злободневностью вопросов, страстностью и колоритностью ораторов.

Собрания иногда затягивались до ночи. В зале становилось жарко, холодные стены отпотевали, и тогда сквозь побелку начинали проглядывать лики ангелов и святых, словно и они заинтересовались вопросами собрания. (Дело в том, что рабфак помещался в здании духовного училища, и в этом зале раньше была церковь).

На рабфаке успешно работали кружки: литературный, хоровой, изобразительный и другие.

Литературный кружок в первые годы не имел названия, а с 1925 года ему было дано имя «Словострой» — аналогично «Волховстрою». Кружок был многочисленным и пользовался большой популярностью.

В числе постоянных его участников были Потопаев, Яранцев, Федотов, Личидов, Мальшаков, Макаров, Глухов и Петров.

В кружке изучались произведения русских и советских писателей. Большое место занимало обсуждение произведений членов кружка,

Хорошо запомнились некоторые из членов кружка. Вот высокий худощавый блондин с тонким, чуть вздернутым носом и высоким, круто поставленным лбом. Это — Андрей Потопаев. У Потопаева был эпический талант. Устремив вдохновенный взгляд вдаль, он читал:

«...Вы помните тот восемнадцатый год...
И тысячи рук потянулись к ружью...».

А вот более поздний период—1925 год. Читает стихи приземистый паренек с крупными чертами лица, широколобый. Он стесняется, виновато улыбаясь. Цвет лица землистый, а глаза синие. Это рабфаковский поэт—Василий Макаров, родом, кажется, из Магнитогорска. Летом, в 1924 году, он ездил домой на каникулы, о чем и читает:

«Я снова еду мимо пашен
В телеге тряской в дом родной,
Закатным маревом окрашен
Души волнующий покой.

Мне любо в сладком ожиданье
Мечтать с дорожною сосной
О скором радостном свиданье
С моей родимой стороной».

Потом легкой походкой выходит стройный брюнет в пиджаке. Непослушная прядь прямых волос спадает на лоб. На глазах пенсне, а сквозь пенсне—«радости спектр». Это рабфаковский писатель и поэт Аркадий Мальшаков. Уральское областное издательство выпустило отдельной книжечкой его рассказ «Председательша». Рассказ получил хороший отзыв. Сейчас Аркадий Мальшаков читает свои стихи «Стучи станок!».

«Челнок нырял, как гоголь в воду.
Полотна гребнем, что волна.
Прибавь, прибавь, ткачиха, ходу —
Деревне вытки полотна!

Сильней нажми, чтоб банкобросы
Крутили крепче смычки нить,
И чтоб с полей крестьянских просы
Могли в наш город смычкой бить.

И чтоб в глазах твоих прицелом
Была сестра на фронте том.
Стучи станок! К деревне в целом!
Лицом к деревне с полотном!».

Сколько ни увлекайся учебой, а все же приятно услышать вечно ликующее слово «каникулы!». Радость эта была знакома и рабфаковцам.

«Каникулы! Гремит рабфак
Сегодня тысячною глоткой.

Нельзя весь век—ведь это факт —
Корпеть над формулами кротко.
Памя, ботинки, сапоги
По лестницам, по коридорам
Стучат, бегут и сняты взорам
Поля, леса и пироги...».

Каникулы были зимние и летние. Зимой многие рабфаковцы отправлялись на экскурсии. Если не удавалось попасть в состав организованной группы, то, несмотря на безденежье, отправлялись самостоятельно.

Летом 1923 года во время каникул мы трое—Неустроев, Молчанов и Шура Бахирева—не поехали домой, а пошли работать на завод «Металлист» соответственно: кузнецом, фрезеровщиком, токарем. Работали мы хорошо. Особенно старалась Шура Бахирева—плотная смуглянка с мальчишеской прической. Бывало наберет стальных заготовок и идет горделиво по цеху, словно вылитая из бронзы. Такою она и осталась в моей памяти. Наравне с Ниной Орловой она была достойной представительницей всех остальных девушек рабфака таких, как Кулагина, Антонова, Колабаева, Пospelова, Санникова, Шульгина, Шелудякова и другие. Все они возникают перед моими глазами: молодые, смеющиеся, как будто мы расстались только вчера.

Рабфаковцы, которые уезжали на каникулы домой, успевали отдохнуть и поработать на производстве. Некоторые принимали участие в клубной самодеятельности.

С каникул возвращались с таким светлым чувством, что все предстоящие трудности учебы не пугали, а манили. Со станции добирались и пешком, и на подводах. Весело гремела мостовая. На тротуары уже летели желтые листья. Вот и общежитие. В саду на берегу Исети дымятся костры, студенты варят картошку и поют знаменитую песню: «Тот не знает наслажденья, кто картошки не едал». Здравствуйте, друзья! Здравствуй, рабфак! Каникулы кончились. Учебный год начался.

С тех пор прошло 35 лет. Много хороших коллективов я узнал за это время, но ни один из них не затмил рабфаковского. По чистоте и правде сердец с рабфаковским коллективом может соперничать только солдатский фронтовой коллектив. Служа в армии, я всегда оставался рабфаковцем. А если грозовые тучи давили невыносимой тяжестью, я обращался мысленным взором к далекой рабфаковской семье, и она многоликим и многоголосым хороводом окружала меня, смеялась, стыдила, ободряла и никому не давала в обиду.

Мне не пришлось быть на слете рабфаковцев в университете, но мысленно я был в стенах знакомого здания, с дорогими товарищами и преподавателями, и мне хочется сказать:

«Дорогие друзья!
Как обрадован я

Голосами сердечных приветствий!
Не забыть никогда,
Не уйти никуда —
Мы единого дерева ветви...

Нас нежданный буран
И войны ураган
Закрутили, ломая сурово.
И казалось уж нет,
Не вернуть этих лет,
Не услышать веселого слова.

Но письмо на меня
Смотрит радостью дня;
Я мечтой у знакомого зданья...
Низко кланяюсь вам —
Мои старым друзьям.
Жить да быть вам сто лет! До свиданья».

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ГОДЫ

Старинное село Усть-Кишерть прилепилось в излучине Сылвы, в самом центре Уральских гор. Здесь я родилась, жила в няньках, батрачила, работала на железной дороге. Здесь окончила четырехгодичную сельскую школу. Здесь же вступила в комсомол. За двадцать лет ни разу не бывала нигде дальше Кунгура — в восемнадцати верстах от нашего села.

Однажды прибежала я с работы, дома лежит записка. Мне предлагается срочно явиться в райком комсомола. Взмолвленная необычным вызовом, пришла. Здесь уже собралось несколько девочек и парней.

Секретарь райкома комсомола сообщил, что нашему району выделены путевки на учебу, на рабфак. Путевки вручили двенадцати комсомольцам, среди них и мне. Это было в начале июля 1927 года.

И вот теплым вечером конца лета я приехала в незнакомый Свердловск, впервые так далеко от дома. В руках у меня зелененький сундучок, с какими в старину езживали паровозные машинисты. К сундучку веревкой приторочена подушка, обернутая одеялом из домотканых половиков. Насилу разобралась, как мне добраться до Детгородка, где в ту пору находились общежития рабфаковцев. Впервые в жизни взгромоздилась с сундуком своим на мягкое сиденье автобуса. И этот автобус, и улицы, проносившиеся за окном, казались мне волшебными, сказочными, полными неведомых чудес.

Так началась моя новая жизнь.

Но еще надо было пройти вступительные испытания. Я неплохо сдала все предметы, кроме математики. С математикой я была не в ладах еще с сельской школы. И она мне отомстила за пренебрежение к ней: письменную работу по математике я провалила. Однако, взяв в расчет хорошие оценки по другим предметам, меня все же допустили к устному экзамену по математике. Громаднейшим напряжением сил, нервов, памяти я вызубрила элементарные математические истины, и кое-как «вытянула» экзамен.

Эта математика туго давалась мне и все последующие годы пребывания на рабфаке. Приходя с занятий, я прежде всего бралась за математику и сидела над ней до глубокой ночи. Потом наскорю выполняла задания по другим предметам (они давались мне сравнительно легко) и опять принималась за математику. Частенько засиживалась до утра, до полного изнеможения и оупения.

Не знаю, что бы я стала делать, если бы не помощь товарищей. Преподаватель организовал группу отстающих и занимался с нами дополнительно. Помогали и все успевающие по математике. До сих пор с благодарностью вспоминаю высокого, сутуловатого, с зачесанными назад, но вечно растрепанными волосами замечательного товарища—Николая Логинова. Сколько времени, дорогого и для него, пожертвовал он мне и таким, как я! Зато и математика мало-помалу начала сдавать свои позиции.

Хорошо помнятся мне и уроки русского языка. Преподавательница О. В. Сигова, тогда еще сама молодая, вкладывала без остатка всю энергию, все силы, все знания в свое дело. Только много позже я поняла, насколько ей было трудно с нами.

О. В. Сигова, например, советует: «Выражайте свою мысль немногословно, укладывайте ее в краткие фразы, чаще ставьте точки, тогда не будете путаться в знаках препинания». Студентка Блинова воспринимает это так: «Мы. Не рабы. рабы. Не. мы.». Уж куда она не насовала точек. Разве только что не в середину слов. И все это с искренним желанием—сделать приятное учительнице.

Да и другим преподавателям было не легче. Ведь среди нас были люди самой различной степени подготовленности, различного возраста, различного жизненного опыта. Очень немногие имели за плечами семилетку, большинство закончило только сельскую школу или школу фабрично-заводскую, а иные всего лишь ликбез.

Доходило до анекдотов. Спрашивает однажды преподаватель на уроке биологии студента:

— Какая кровь у лягушки?

— У лягушки-то?—задумывается студент.— А вон как у Мишки рубаха.

А рубаха у рядом сидящего Мишки—зеленая.

Как я теперь понимаю, педагогам рабочих факультетов приходилось искать и изобретать новые методы преподавания, создавать совершенно иные, отличные от канонических форм подачи материала. И наши замечательные педагоги, педагоги-новаторы, педагоги-энтузиасты превосходно справились с труднейшей этой задачей. Это стало возможным только потому, что руководила ими огромная любовь к своему делу, любовь к великому будущему нашей Родины.

Земной поклон вам, первые мои настоящие учителя!

Новое, никогда доселе невиданное входило и в быт, в отношения людей между собой. Помню, как возникла в студенческом общежитии наша комнатная «коммуна». В одной из комнат общежития № 5 в Детгородке жило нас одиннадцать девушек. Началось все, казалось бы, с пустяка. Галя Мячина не умела расходовать деньги. Получив стипендию, в несколько дней растрясала ее по мелочам. Потом ее всей комнатой кормили до следующей стипендии. Терпели мы терпели и возмутились. На общем комнатном собрании решили взять над ней шефство.

Случай с Галей Мячиной натолкнул нас на мысль: а не начать

ли нам всем питаться вскладчину. Тем более, что питание в студенческой столовой казалось дорогим.

Так и сделали. При получении стипендии тут же отдавали часть денег старосте. Установили дежурства. Очередная дежурная обязана была не только поддерживать чистоту в комнате, но и, получив определенную сумму от старосты, закупать продукты и готовить еду на всю «коммуну». Каждая из нас, вступив на дежурство, старалась накормить подруг, как можно сытнее, вкуснее и дешевле.

В наши трапезы вошло что-то очень уютное, домашнее, семейное. Да и денег на питание тратилось раза в полтора меньше.

Но и это не было последней ступенью «обобществления» средств. Каждый месяц, в день получения стипендии, мы обсуждали на общем собрании: кому и что покупать из обуви и одежды. Деньги выделяли в первую очередь тем, кому было совершенно необходимо пополнить гардероб — ботинки ли «каши просят» или последняя будничная кофтенка прохудилась, разлезается по всем швам. Ну, а когда оставались деньги, приобретали даже и наряды.

Кстати, о нарядах. Хотя и считалось, что самый лучший берет в комнате принадлежал, например, Лизе Волковой, его могла надеть любая из наших девушек, если ей бывало необходимо появиться где-то принаряженной. Так же обстояло и с платьями, пальто, туфлями. И хотя праздничных, выходных вещей у нас было очень немного, казалось, что все мы одеваемся прилично. Все вещи в нашей комнате принадлежали нам всем.

Ходили мы везде и всюду вместе, всей «коммуной» — в театры, кино, на диспуты, даже в баню. Участвовали в вечерах самодеятельности, которые проходили чрезвычайно весело — в талантах недостатка на рабфаке не было.

С молодым задором, с подъемом трудились мы на различных, довольно частых в ту пору субботниках: на стройках, на заводах, на выгрузке угля. И если кто-либо из нашей «коммуны», пусть даже по уважительной причине, не мог принять участия в субботнике, остальные считали долгом отработать за него его норму. На то мы и «коммуна».

Рабфак для меня был первой школой коммунистического быта.

Ну а дальнейший мой путь, я думаю, обычен для тысяч других рабфаковцев. Рабфак дал нам, выходцам из самой гущи рабочего класса, из самых недр деревенской бедноты, очень многое. И лично мне — как и всем. На рабфаке я не только получила минимум необходимых знаний, но и великолепную закалку на всю жизнь, познала настоящую, нержавеющей с десятилетиями дружбу, почувствовала со всей силой благодарную дочернюю любовь к социалистической Родине.

В 1935 году я и Юлия Девятова (теперь ее фамилия Адриановская) окончила с отличием Пермский медицинский институт. Шура Мясникова еще со второго курса перевелась в Ленинградский институт и окончила его годом позже.

Юлия Александровна Адриановская до последнего времени ра-

ботала доцентом кафедры патологической физиологии в Пермском медицинском институте. Сейчас вышла на пенсию. Пынешним летом мы с ней приехали на вокзал, чтобы встретиться с нашей третьей «коммунаркой» — Шурой Мясниковой. Она ехала домой, в Мурманскую область, где работала врачом.

И, конечно, прежде всего наплакавшись по женскому обычаю, мы принялись вспоминать рабфаковские годы. Трудные, беспокойные, но, несмотря ни на что, — счастливые, незабываемые годы.

Н. ОРЛОВА,
преподаватель

ГОДЫ УЧЕБЫ. ГОДЫ ТРУДА

Прошло более 40 лет с того времени, когда открылись первые рабочие факультеты.

40 лет—это почти полвека жизни человека, за такое время стирается в памяти многое из мелких и будничных дел, остаются только наиболее яркие воспоминания о значительных событиях. Но есть такие периоды в жизни человека, когда на его жизненном пути происходит крутой перелом, и тогда запоминаются лица, дела, факты, случаи и самые мельчайшие события этого переломного времени. Таким незабываемым периодом в жизни первых студентов рабфака были годы учебы на нем. Это была не вспышка, а яркий огонь, осветивший весь дальнейший путь не только рабфаковцев, но и высшей советской школы.

С открытием рабочих факультетов в высшую школу пришло «племя младое, незнакомое». Дерзко вторглись в «храм науки» смелые представители рабочего класса и трудового крестьянства: с фабрик и заводов, с фронтов гражданской войны пришли коммунисты, комсомольцы и беспартийные рабочие, преданные делу революции.

По внешнему облику они ничуть не походили на старых студентов. Новое поколение влилось в рабочие факультеты массой в серых, все выдавших шинелях и рабочих куртках, в красноезвездных буденовках, в грубых солдатских, разбитых на дорогах войны ботинках и сапогах.

Особенно неприглядный внешний вид имели приехавшие учиться дети крестьян и бедняков. Истощенные, в лаптях и чунях, в армяках из домотканного холста, с котомками за плечами походили они на странников с картин передвижников, прошедших, долгий и трудный путь в святое святых науки. Такими запомнились мне маленький Ваня Братухин, бедняк-крестьянин из Вятской губернии, в лаптях, в домотканном зипуне, с котомкой за плечами (ныне профессор, доктор), Костя Кокшаров и Алеша Шаламов в потертых шинелях и солдатских ботинках.

Эти пришельцы из нового мира обладали очень слабой общеобразовательной подготовкой. Так, например, бывший рабфаковец, а ныне профессор, доктор медицинских наук Н. П. Федотов в своих воспоминаниях писал, что когда он пришел на рабфак в 1920 году, то даже плохо расписывался.

Но, вместе с тем, эти пришельцы обладали большим опытом тяжело прожитой и кровью отвоєванной жизни, присущей рабоче-

му классу сознательной дисциплиной и пролетарской стойкостью. Это были люди высокой сознательности, идейности, ясно видевшие цель своей жизни и готовые на борьбу за достижение ее.

Приходили они на рабфак как новые хозяева школы и сразу, засучив рукава, принимались за ее строительство.

С жадностью и упорством взялись мы за учебу, настойчиво, шаг за шагом овладевали тайнами науки, веками скрытыми от народа. Как никто, мы отчетливо понимали, что «не стыдно не знать, стыдно не учиться».

Каждая формула, вывод, закон науки были для нас подлинным открытием, раздвигавшим границы наших знаний. Все воспринималось творчески, критически, активно и закреплялось твердо и основательно.

На рабфак пришли представители рабочего класса, они заключали в себе лучшие черты его: принципиальность, моральную чистоту, чуткость и внимательное отношение к товарищам, благородное и бережливое отношение к женщине, нетерпимость ко всему грубому, лицемерному, мещанскому в сочетании с пониманием общественного долга и революционного энтузиазма. Все это определяло отношения студентов между собой, отношения к преподавателям, отношение к учебе, труду, общественной работе.

В первые годы существования Екатеринбургского рабфака были чрезвычайно редки, как исключение, случаи аморальных поступков. Вспоминается, как один из рабфаковцев, бывший шахтер, мастер на «соленое словцо», заявил рабфаковцам, что не поздороится тому, кто позволит грубое выражение при девушках. И, действительно, ни одна из студенток рабфака никогда не слышала нецензурных выражений.

В учебе, в быту, везде и всегда господствовали отношения коллективизма, солидарности и товарищеской взаимопомощи. Каждый из нас чувствовал себя членом большой и дружной семьи, чувствовал плечо товарища, готового в любую минуту прийти на помощь.

Показателем новых отношений были возникшие с первых же дней жизни Екатеринбургского рабфака коммуны-комнаты. Одна из женских коммун состояла из девушек: Носыревой Соии, Антоновой Наташи, Барановой Норы, Орловой Нины, Мезеновой Жени, Михайловой Лиды, Манцивода Ани, Бондарович Ани. Во вторую входили Попова Ольга, Кулагина Полина, Фадеева Аня и другие.

Коммуны жили по неписанному закону, сложившемуся по взаимному соглашению. Все было общим—питание, деньги, присылаемые иногда кому-нибудь из членов коммуны посылки. Если необходимо было приобрести что-либо из одежды для одного из членов коммуны, то все в этом принимали участие и несли равные затраты.

В коммуне существовали нерушимый внутренний распорядок и сознательная дисциплина. Руководил ею выбранный староста.

На смену уходящим на основные факультеты рабфаковцам

приходили другие, на месте старых коммун складывались новые, продолжая традиции своих предшественников.

Вдохновителем и организатором всех больших и малых дел на рабфаке, всех свершений была партийная организация и ее верный помощник — боевой комсомол. Созданные в первые дни существования рабфака, они взяли на свои плечи всю тяжесть налаживания его жизни и работы.

Деятельность их проходила в очень трудных условиях. Страна только что заканчивала гражданскую войну, голод, холод, разруха терзали молодую Советскую республику.

Рабфак переживал хозяйственные трудности. Студенты голодали, получали 300 граммов жмыхового хлеба в сутки и обед из мерзлой картошки. Не было одежды. Шинели, куртки, ботинки и сапоги, в которых пришли студенты на рабфак, разваливались и не грели. Всем рабфаковцам выдали добротные, 40—41 размера, сапоги и нагольные полушубки. Мужчинам это было хорошо, а девушки в таких сапогах и полушубках выглядели очень жалко и некрасиво, но делать было нечего, приходилось «щеголять» в таких костюмах. Однако женщина остается женщиной в любых условиях, вскоре мужские сапоги и полушубки были перешиты, и девушки приобрели более женственный вид. Дорого стоила им такая «красота», пришлось поголодать еще больше, отдав за перешивку часть и без того скудного пайка.

Очень тяжело было с жильем, общежития не было, и первый год часть рабфаковцев жила в здании рабфака, в аудитории, часть ютилась по квартирам. Осенью 1921 года рабфак получил общежитие, но оно было мало пригодно для жизни: выбиты стекла, разворочены печи, поломаны трубы, отапливать общежитие было нельзя.

На беду студентов зима наступила ранняя и холодная, в октябре и ноябре было так холодно, что вода, поставленная на ночь в котелках, промерзала до дна. Студенты сдвигали кровати и спали вповалку, кутаясь всем, что было из одежды, и согреваясь своим дыханием.

Выросшие в лишениях и труде рабфаковцы не боялись никакой работы, среди нас не было белоручек, труд нам был так же необходим, как и учеба. Дружно откликнулись рабфаковцы на призыв партийной организации отремонтировать общежитие своими силами. Среди студентов нашлись столяры, маляры, слесари, печники. В короткий срок здание общежития было отремонтировано и приведено в порядок, зима с ее морозами и вьюгами стала не страшна.

Своими руками рабфаковцы приводили в порядок и учебное здание, под руководством преподавателей создавали кабинеты физики, математики, химии, биологии, изготовляя для них наглядные пособия и собирали по винтику на заводах оборудование.

Широко было поставлено самообслуживание. В общежитии, в учебном здании, в столовой, рабфаковцы привыкли все делать сами.

Несмотря на большую перегруженность учебной, хозяйственной

и общественной работой, рабфаковцы много и плодотворно трудились на субботниках.

По призыву партийной организации рабфаковцы каждое воскресенье выходили на субботники; в любую погоду, в стужу и вьюгу, в дождь и сырость, работали на Верх-Исетском заводе, на заводе «Металлист», на очистке железнодорожных путей, а вечером усталые, голодные, но довольные сделанным, с веселой песней возвращались в общежития.

Много внимания уделяла партийная организация воспитанию студентов и их культурному развитию.

Люди, в течение всей жизни лишенные доступа к культуре, тянулись, как к свету, ко всему прекрасному, поэтичному.

В сентябре-октябре 1920 года на рабфаке были организованы кружки: хоровой, художественного чтения, литературный, драматический и позднее рисования.

В организации литературного кружка и кружка рисования, наряду со студентами, принимали активное участие и некоторые преподаватели, наиболее близкие к студенческим массам: Данилова А. И., Сигова О. В., Кожевникова М. А., Туркина С. П., Хожателев П. А. и другие.

Хоровой кружок вначале был слабым, работал нерегулярно, не имел хорошего руководителя. Осенью 1921 года для руководства хором был приглашен старый квалифицированный дирижер-хоровик Ф. С. Узких, и с этого времени повысился интерес к хору, вырос он количественно, пришли новые хорошие певцы.

Хор рабфака был первым самостоятельным студенческим хором, и, наряду с хором Ленинской фабрики, одним из первых хоров в Екатеринбурге в советское время. В нем пели замечательные солисты — Уткин, Столбов, Петров, приводившие в восторг даже опытных оперных певцов, которые часто выступали на вечерах рабфака.

Хор имел очень большой и разнообразный репертуар. За первые два года существования в его репертуаре было более 50 различного жанра песен. Здесь были произведения русских и зарубежных классиков музыки, народные и революционные песни, песни боевые и шуточные, социально-направленные, глубоко философские и задумчиво-лирические. Выступал хор во многих организациях города, в рабочих клубах, в воинских частях и госпитале, на вечерах технических факультетов университета. Особенно часто приглашали его выступать на вечерах в коммунистическом клубе, который находился в то время в здании нынешнего театра музыкальной комедии.

Хор играл большую организующую роль, он сплачивал коллектив студенчества. В перерывах между уроками, в саду над рекой Исетью, на субботниках, на заготовке дров в лесу, на маевках, на демонстрациях — везде хоровики были вместе, песня вспыхивала непроизвольно, вокруг хоровиков собирались студенты, вплетались новые голоса, песня росла, ширилась и превращалась в подлинно-массовую.

В драматическом кружке и кружке художественного чтения читались и подготавливались к концертам произведения М. Горького, стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Маяковского, Блока.

Кружковцами ставилось много спектаклей. Вспоминаются некоторые из них. Например, весной 1922 года со спектаклем А. Н. Островского «Бедность не порок» драмкружок выезжал, а вернее, выходил, так как шли туда и обратно пешком, в село Елизаветинское, которое в то время отделялось от Екатеринбурга густыми лесами.

Дерзали ставить даже такие глубокие социально-философские пьесы, как пьеса М. Горького «На дне» для подшефной красноармейской части. Выезжали со спектаклями на завод Хромпик, в подшефные деревни.

В то время в Екатеринбурге не было постоянной драматической труппы, и спектакли драмкружка рабфака были большим событием в культурной жизни города.

Участвуя в драмкружке и в кружке художественного слова, рабфаковцы глубже понимали красоту художественного слова, мобилизующую силу поэзии и ее роль в развитии общественной жизни.

Одно из первых мест в культурной жизни рабфака, в развитии творческой художественной мысли студентов и в их эмоциональном развитии занимал литературный кружок. Он возник как результат огромного интереса студентов к литературе и увлечения поэзией.

Заслуга преподавателей литературы состояла в том, что они доносили до сознания и чувств рабфаковцев красоту и силу художественного слова, прививали им любовь к литературе. Правда, часть литераторов старой школы не подчеркивала в творчестве русских писателей их глубокой веры в силы и будущее русского народа, толковала русскую литературу в сентиментально-буржуазном тоне, как призыв к смирению и покорности.

С другой стороны, часть рабфаковцев пыталась сдать Пушкина, Лермонтова, Гоголя в архив, считая их дворянскими писателями, чуждыми народу.

Задача актива рабфака состояла в борьбе на два фронта: резко критиковались буржуазно-идеалистические извращения литературы. Наряду с этим проводилась большая разъяснительная работа среди студентов, ошибающихся в оценке классиков русской литературы. В аудиториях, на уроках литературы вспыхивали горячие споры, рушились годами установившиеся понятия.

Дискуссии не уместались в аудиторный рамки и выносились вне их на особые собрания. Так возник литературный кружок. На его заседаниях разбирались рефераты на тему «Пушкин и народ», «Русская женщина в произведениях Некрасова», «Гамлет как вечный тип» и другие.

На заседаниях кружка знакомились с творчеством студентов-рабфаковцев в стихах и прозе. Особенно сильно было увлечение

поэзией, редко кто не пробовал свои силы и не писал стихов. Большой популярностью пользовались рабфаковские поэты Потопаев, Яранцев, Федотов, Молчанов.

Проза и поэзия студентов не только отражали жизнь и учебу рабфаковцев, но и отличались целеустремленностью, политической остротой, силой, мобилизующей на борьбу за коммунизм, глубокой верой в него.

Целеустремленность звучит и в стихотворении, помещенном в журнале «Студент—рабочий», № 1 за октябрь 1923 года.

«Будешь ли доктором, музыкантом, поэтом
Иль инженером пойдешь на завод,
За палитрой, за книгой, с резцом и ланцетом
Помни семнадцатый год!».

Богата и разнообразна была духовная жизнь рабфаковцев. Они вели большую общественную работу, живо откликались на все политические события в стране и на все начинания и мероприятия в университете.

Неутомимая молодежь всегда находила время на кино, театры, по доброй воле с жадным интересом шла на лекции, доклады, диспуты, субботники, в кружки самодеятельности. Даже во время летних каникул не прекращалась их общественная работа на производстве и в деревне.

Осуществляя лозунг коммунистической партии — «смычка города с деревней», Уралуниверситет взял шефство над деревнями Останинское и Точильно-Ключевой и организовал туда выезд.

В Уральском рабочем от 12 марта 1925 года описан приезд шефов на село. «В село Останинское Режевского района приехали шефы из университета» (университета, как говорили в то время крестьяне). «Мизюкает копилка, душно в прокопченной бане. Девахи прядут, парни зубы скалят, зудят на тальянке частушки. Остолбенели шефы. Семь лет Советской власти, а тут... Попросили девушек что-нибудь спеть, запели старинные русские песни «Моряки», «Сижу за решеткой в темнице сырой» и другие. Решили перенести вечерку из бани в избу-читальню.

Вечером шефы устроили спектакль и концерт, на котором присутствовало 200 человек».

Рабфаковцы обращали внимание сельской интеллигенции на новые явления в деревне — на организацию первых артельных хозяйств-товариществ и всячески помогали, способствовали росту этих объединений. Был проведен сбор книг для подшефной деревни, выписаны газеты и журналы. Летом студенчество оказывало большую помощь в землеустройстве подшефным селам.

Для женщин села рабфаковцы устраивали посиделки, где в популярной форме рассказывали о происхождении дождя, града, снега, об устройстве барометра, умело увязывали эти беседы с антирелигиозной пропагандой.

Там, где побывали молодые, энергичные, полные сил рабфа-

ковские юноши и девушки, начинала водоворотом бурлить жизнь. Сельская молодежь, увлеченная энтузиазмом рабфаковцев, активизировала работу изб-читален, кружков ликбеза, художественных кружков.

Шефствовали рабфаковцы над красноармейской частью и детдомом беспризорников, обслуживая их культурными мероприятиями.

Благодаря этой работе, умело руководимой партийной организацией, наладилась и стала повседневной связь с рабочими и крестьянскими массами.

Особенно плодотворное влияние на студенчество оказывал рабочий коллектив. Втягиваясь в дела рабочих коллективов, студенты учились у них пролетарской солидарности, железной, сознательной дисциплине, упорству в борьбе и стойкости против буржуазного и мелкобуржуазного влияния.

Прошло 40 лет с того времени, когда первые рабочие, как хозяева вошли в высшую школу. Рабфаковцы давно пережили свою молодость и пору расцвета, немало сил и труда отдали они Родине в благодарность за ее заботу. Многие ушли на заслуженный отдых, а многих уже нет среди друзей.

Но из поколения в поколение передается эстафета славных дел и традиций, созданных первым поколением пролетарского студенчества, они развиваются, совершенствуются и обогащаются новым опытом студенческого движения.

*Д. НЕУСТРОЕВ, директор института
„Уралмеханобр“*

*П. ЯРУТИН, доцент, бывший директор
Уральского горного института*

ВЫИГРАННОЕ СРАЖЕНИЕ

Мы пришли на рабфак в 1922 году. Оба по путевкам Красной Армии, пробыв в ней первый 3, второй 4 года. Наша подготовка к рабфаку—трехгодичная начальная школа: у одного земская, а у другого церковноприходская. Первому было 22 года, второму — 27 лет. По профессии один рабочий-металлист, второй—горнорабочий.

Главное, что нас объединяло, это страстное желание учиться. Стремление к учебе возникло раньше поступления на рабфак. Но осуществить его не было материальной возможности. И только с приходом советской власти создались условия для учебы.

Поступая на рабфак, мы не думали о том, будем ли инженерами и тем более не думали о будущей инженерной деятельности. Главное чего мы хотели—это взять все, что мог дать рабфак. Мы понимали, что полученные знания расширят наш кругозор и позволят более успешно справляться с работой по своим специальностям—металлиста и горняка. И это был основной стимул к нашей учебе. И только по мере приближения к финишу стала укрепляться мысль о поступлении в высшую школу.

Состав нашей учебной группы как по возрасту, так и по подготовке, и особенно по общему развитию, имел значительные различия. Самым старшим в группе был С. Золотарев (около 40 лет) и самым молодым Гриша Герсман, ему было 17 лет. Такие как В. Одиноких знали дробь, другие, как Голенищев и Гуцев, только-только справились с приемными экзаменами. Причем, последний пришел на рабфак, окончив школу ликбеза (школа по ликвидации неграмотности).

Началась учеба. С первого года обучения преподавали: русский язык и литературу, математику, физику, химию, географию, биологию, немецкий язык, черчение, политэкономию, историю. Последнюю по требованию учащихся заменили историей классовой борьбы. Кроме того, сверх программы был прослушан курс диалектического материализма.

Учебная нагрузка была огромная. Заниматься приходилось много. Было трудно, но трудно было не только нам, но и преподавателям. Наши трудности вытекали не только из большой нагрузки, но также из-за большого перерыва между окончанием

начальной школы и учебой на рабфаке. В среднем он достигал 10—12, а у некоторых 25 лет. Трудность учебы вызывалась и тем, что мы привыкли воспринимать конкретные явления или как говорят, мыслить конкретно, тогда как по ходу учебы иногда требовалось абстрагировать то или иное явление. За время длительного перерыва в учебе многие из нас забыли те небольшие сведения о правилах письма, которые были сообщены в начальной школе.

Чтобы приобрести навыки в письме, мы много работали. Вечерами в общежитии собирались по 3—5 человек, писали диктанты, взаимно проверяя и обсуждая сделанные ошибки, переписывали текст какой-либо книги, чтобы, как говорят, «набить руку».

Неумение грамотно писать нас страшно угнетало, порою приводило в отчаяние. Но мы вновь и вновь боролись с этим злом, направляя все наши усилия. Порою казалось, что легче идти в атаку на белогвардейцев, чем избавиться от ошибок в письме.

Однако мы упорно и яростно боролись с этим врагом и ликовали, как после выигранного боя, когда в наших контрольных работах количество ошибок уменьшилось. Мы считали, что к нам следует подходить более строго. Ведь мы хотели быть грамотными. И вот по решению группы мы потребовали от деканата заменить молодую преподавательницу и дать нам более строгого учителя. В результате к нам был назначен Николай Васильевич Климентьев. Николай Васильевич был одним из лучших преподавателей. Мы знали, что он требовательный, но тактичный и справедливый. Это под его плодотворным воздействием мы с увлечением читали произведения классиков и современных авторов, не включенные в программу. Когда мы уставали заниматься математикой, химией и другими предметами, то не ложились отдыхать, а брали какое-либо художественное произведение и читали.

Вторым предметом, который требовал много времени, была математика. За три года нужно было освоить ее, начиная с дробей и кончая понятием пределов. Первые два года вел математику Алексей Николаевич Богданов. Свой предмет он любил. Преподавал с огоньком.

Алексей Николаевич сумел убедить нас, что математику надо знать, и мы увлекались ею, отдавая много времени решению задач, заучиванию правил и доказательству теорем. Хорошо помнится такой случай: около двух часов ночи нас разбудил С. Золотарев. «Ребята,—кричал он,— я задачу решил!». Нами эта задача была решена, но он хотел решить самостоятельно и, решив ее, радовался, как ребенок. А этому «ребенку» было около 40 лет.

Нельзя не вспомнить прекрасные уроки по химии Владимира Ивановича Петрашень. Это он научил нас понимать химию, даже больше—мы полюбили ее. К его урокам всегда старательно готовились. Уроки Владимира Ивановича широко сопровождались опытами и проходили очень интересно. Некоторые из нас настолько увлекались химией, что ставили опыты у себя в квартире. В

частности, так поступил Андрей Личидов, создав у себя уголок химии.

Активно проходили уроки по физике, которую преподавал Константин Рафаилович Кожевников. Можно сказать, что вся группа принимала активное участие в доказательстве того или другого закона. Оно и понятно, ведь большинство из нас практически пользовалось законом рычага, наклонной плоскости и т. д. Это на его уроках возникла мысль об «ошибке» Архимеда: если бы и нашлась точка опоры, то у Архимеда не хватило жизни, чтобы повернуть землю, так как пришлось пройти слишком длинный путь.

В первые годы нашего обучения на рабфаке не было лаборатории по физике, и мы нередко ходили в УПИ, где Константин Рафаилович заведовал лабораторией. Потом, когда для занятий по физике было выделено помещение, мы принимали активное участие в его оборудовании.

Нельзя забыть заведующего кабинетом черчения П. А. Хожателева, всегда спокойного, скромного и терпеливо «вдалбливающего» нам основные законы геометрического и технического черчения.

Увлекательными были и уроки географии. В большинстве они проходили в путешествиях. Например, Николай Иванович Томпольский вызывал кого-либо к географической карте и ставил вопрос, что бы мы повезли из той или другой части мира? И попутно по всему пути следования, рассматривалось, через какие страны проходил путь, какими народами населены, промышленное развитие района, культура и т. п. Если у отвечающего встречались затруднения, на помощь привлекалась аудитория. Его задания на дом всегда охотно выполнялись.

Уроки по политической экономии вел Т. А. Каменев. Проходили они в виде лекций, в которых широко приводились выдержки из «Капитала» К. Маркса. При этом лектор всегда указывал издание, том и страницу. Его лекции относительно легко усваивались. Благодаря им мы прибрались самостоятельно работать над «Капиталом».

Казалось бы, что при такой большой нагрузке у нас не должно было оставаться времени для внешкольной работы. Кроме учебной нагрузки коммунисты и комсомольцы ежедневно затрачивали по два часа на военное обучение в роте ЧОН (части особого назначения), состоящей исключительно из студентов. Тем не менее находили время для кружковой работы.

Из нашей группы участвовали в литературном кружке В. Молчанов, А. Личидов, А. Черемных и П. Ярутин. Одни читали свои произведения, другие принимали участие в обсуждении. Наши авторы печатались в литературном студенческом журнале «Студент—рабочий». Так, в нескольких номерах была опубликована поэма В. Молчанова «В Москву без денег». Теплые строки посвящены в ней Ольге Васильевне Сиговой, преподавателю литературы.

Товарищи из нашей группы участвовали в факультетском хоре.

Шура Ведунова и Надя Каменева часто выступали на факультетских вечерах и с сольными номерами. Были участники и драматического кружка, в частности П. Ярутин.

Активно участвовали в нашей устной сатирической газете «Рубанок». Вася Молчанов входил в редколлегию «Рубанка». Душой же газеты был Николай Васильевич Клементьев.

Студенческие вечера проходили всегда шумно и весело. Особенно большим разнообразием отличались юбилейные. В один из таких вечеров целая комната была отведена для дружеских шаржей, нарисованных карандашом и красками. Тут были шаржи не только на студентов, но и на преподавателей. Так, например, преподаватель математики Точановский, носивший большую бороду лопатой, был изображен в медальонном овале. Под ним подпись: «Проект медали Станиславского». На следующий день Точановский пришел на занятия без бороды.

Мы находили время и для физкультуры. Любимым видом спорта были лыжи. В выходные дни с 8—9 часов утра становились на лыжи и на целый день уходили за город. Обычный наш маршрут был: скотобойни, где ныне мясокомбинат, Уктусские горы, пивзавод и наши студенческие общежития в Детском городке. С Уктусских гор мы скатывались по несколько раз, потом заходили к кому-либо из жителей, выпивали по кружке молока со свежим калачем и возвращались к себе.

В рабочие дни, как правило, часов около 11 выходили на лыжную прогулку, после чего выпивали по стакану чая и ложились спать. Мы замечали, что если такой вечерней прогулки не делали, то на другой день не чувствовали той работоспособности, которая обычно бывала после прогулки.

Студенты нашей группы все состояли в добровольных обществах. Тогда их было несколько, начиная с МОПР и кончая обществом содействия Красной Армии. Активистом по добровольным обществам был Федя Швецов. Он был также активным пропагандистом студенческого кружка НОТ (научная организация труда). Многие из нас вели картограммы времени с графиком его расходования. По этим картограммам можно было проследить, насколько рационально расходуется время.

У нас в общежитии не ставился вопрос о самообслуживании. Уборщицы раз в неделю мыли в комнатах. Но многие из нас мыли пол ежедневно. В своей комнате мы всегда держали в порядке книги, личное имущество и постели и, конечно, не курили.

О выпивке никогда не возникало вопроса и не только у нас в комнате, но вообще в общежитии. Мы не помним случая за все три года обучения на рабфаке, чтобы был кто-либо пьяным на студенческом вечере. Может быть, современной молодежи это покажется невероятным, ведь тогда был разгар нэпа, на каждом перекрестке были пивные, но факт остается фактом.

Душой всей жизни рабфака была партийная организация. В нашей группе насчитывалось около 35% членов Коммунистической партии и примерно столько же комсомольцев.

Партийная часть группы вникала во всю жизнь, начиная с учебы и кончая нашим бытом. И везде коммунисты старались быть примером. Ежедневно в группе коммунисты проводили доклады о текущем моменте, где рассматривались вопросы внутреннего и международного положения СССР.

В результате повседневной работы коммунистов, ряды в партии росли. Так, например, в 1924 году был принят к членам РКП(б) один из нас — Д. С. Неустроев.

Итак, рабфак не только дал нам среднее образование, но и вооружил нас политическими знаниями для дальнейшей борьбы за высшую школу.

Оканчивая рабфак, мы чувствовали себя победителями, которые выиграли большое и тяжелое сражение.

*В. СЕРОВ,
юрист.*

ОТ ЛИКБЕЗА В ВЫСШУЮ ШКОЛУ

В 1930 году партийная и комсомольская ячейки мартеновского цеха металлургического завода города Надеждинска, где я работал третьим подручным у печей, создали из передовых рабочих — комсомольцев и коммунистов — кружки «ликбеза» для подготовки к поступлению на рабфак.

Эти кружки работали непосредственно в цехе в определенные дни пятидневки на общественных началах, занятия проводились после работы. После восьмичасового рабочего дня мы 4 часа занимались в кружке. Никто не хныкал и от трудностей не отступал.

Малейшее нарушение учебной дисциплины: опоздание, пропуск занятий, невыполнение домашнего задания немедленно обсуждалось на «треугольнике» цеха, в рабочем порядке, в партийно-комсомольской и профсоюзной организациях. Воздействие общественности было одной из сильнейших мер укрепления производственно-учебной дисциплины.

1 сентября 1932 года по путевке заводского комитета комсомола и Надеждинского горкома ВЛКСМ в числе других рабочих я был рекомендован на рабфак. Выдержав экзамены, я был зачислен в ряды студентов Надеждинского металлургического рабфака «Востокосталь».

Мы не порывали связи с родным заводом. Он иногда находился в прорыве, не хватало топлива для цехов, не хватало рабочих рук, ибо развернувшиеся стройки пятилетки требовали увеличения численности рабочих.

По инициативе партийной и комсомольской организаций рабфака мы, студенты, шли на помощь заводу, в 40–45° морозы выезжали на Богословские угольные шахты добывать для завода уголь и работали на шахте по 2–2,5 месяца.

Несмотря на перерывы в учебе, успеваемость была высокой.

Рабфак был жизненно связан с заводом: все опыты по физике, химии, частично математике (по расчетам и чертежам) проводились непосредственно в заводских цехах: доменном, мартеновском и прокатном. Они были нашей учебной производственной базой. А ботанику изучали прямо на колхозных полях, одновременно помогая колхозникам в полевых работах. Эта связь рабфака с жизнью давала студентам прочные практические, а не книжные знания.

Никто из рабфаковцев никогда не отказывался от назначения на работу, каждый считал, что так нужно партии, она знает, на

каком участке социалистического строительства использовать того или иного товарища.

Поэтому рабфаки стали резервом не только для высших учебных заведений. Многие из выпускников были направлены на партийную, советскую и профсоюзную работу. Меня, когда я еще был студентом, направили на профсоюзную работу — председателем заводского комитета Надеждинского механизированного хлебозавода. Поэтому пришлось перевестись на вечернее отделение рабфака.

В 1935—1936 годах я по путевке горкома комсомола был направлен на учебу в Свердловский юридический институт.

Ни один из 25 выпускников нашего курса юридического института не отказался от направления по государственному распределению. Наши товарищи поехали работать в Сибирь, на Дальний Восток, Сахалин, Камчатку. Это говорит о высокой дисциплине выпускников, в основном воспитанников рабочих факультетов. Я был направлен адвокатом в сибирский город Ялуторовск.

Итак, из малограмотного рабочего, благодаря заботам нашей родной партии, я стал специалистом с высшим образованием.

Д. ПОСКОТИН, доцент

В АВАНГАРДЕ СТУДЕНЧЕСТВА

В 1929 году на базе Уральского политехнического института был создан ряд отраслевых вузов, при которых были организованы рабочие факультеты. Мне пришлось в то время учиться на рабфаке при Уральском геологоразведочном институте.

В составе рабфаковцев была рабочая и крестьянская молодежь, нередко встречались и пожилые люди в возрасте 35 лет и старше. Ученики рабфака отличались исключительной прилежностью в учебе. В то время мы не представляли себе пропусков занятий без уважительных причин. У всех было стремление скорее закончить рабфак и перейти в институт.

В связи с необходимостью ускоренной подготовки собственной технической интеллигенции рабочего класса перед нами был поставлен вопрос об уменьшении срока обучения без сокращения учебной программы, за счет дополнительной нагрузки. На основе этого были созданы ударные группы из наиболее способных студентов, которые приняли на себя обязательство окончить рабфак в 2,5 года. Группа, в которой я учился, завершила программу за два года и была переведена в институт.

На отраслевом рабфаке была установлена постоянная связь с институтом и с производством. На втором курсе изучали «специальный предмет», на котором преподаватели Уральского геологоразведочного института знакомили нас с основами геологии, минералогии и поисковоразведочного дела. Летом 1930 года все студенты были направлены на производственную практику. Они работали в геологопоисковых и геофизических партиях Уральского геологического управления.

Трудились преимущественно в качестве рабочих и коллекторов на полевых работах, не считаясь ни со временем, ни с усталостью. Руководители партий были очень довольны рабфаковцами. На результатах сказались трудовые навыки, которые имел каждый студент до поступления на рабфак. Трудились с увлечением, считая выполняемую работу непосредственно связанной с будущей специальностью, и были горды этим.

Обучаясь на рабфаке, несмотря на большую учебную нагрузку, мы сами занимались решением многих хозяйственных вопросов. Так например, К. А. Дербышев некоторое время был директором рабфака. Я в то время работал секретарем партийной ячейки, одновременно с общественной работой и учебой помогал также решать и хозяйственные дела.

Рабфаковцы очень много работали на строительстве Уральского политехнического института. В 1930 году была прекращена учеба, и студенты более месяца трудились на этой стройке. В то время не было современной строительной техники, и мы таскали кирпичи на IV и V этажи. Тяжелый это был труд, но никто не выражал недовольства. Участвовали мы в субботниках на Верх-Исетском металлургическом заводе. Без рабфаковцев не обходилась также уборка урожая в колхозах и совхозах области. При выполнении физических работ мы в то время соревновались со студентами вузов, и нередко рабфаковцы в этом трудовом соревновании одерживали победу.

Так прошли лучшие, незабываемые годы нашей жизни на рабфаке, после окончания которого основная масса рабфаковцев была принята в число студентов Уральского геологоразведочного института. Рабфаковцы в вузе занимали также ведущее положение. Они вместе с парттысячниками возглавляли общественную деятельность, поддерживали на высоком уровне учебную дисциплину, своим положительным примером в учебе и быту влияли на остальную часть студенчества, пришедшего непосредственно из средних школ.

Почти все рабфаковцы нашего выпуска окончили высшие учебные заведения, теперь успешно работают на производстве, в вузах и научно-исследовательских институтах. Где бы мы ни были, мы всегда с большой теплотой вспоминаем лучшие годы нашей жизни — годы учебы на рабочем факультете.

В. ГОЛИКОВ, доцент

ПУТЕВКА В ЖИЗНЬ

Свердловский рабфак!.. Как много ты дал в двадцатых годах для подготовки рабочей и крестьянской молодежи к поступлению в высшую школу. С какой огромной благодарностью вспоминаем мы тебя—твои первые выпускники. Какие радостные, светлые картины былого оживают в памяти при всяком упоминании о тебе! Правда, было и холодно, бывало и голодно, плохо с одежкой и обувью, но что не переживет кипучая молодость, полная энтузиазма первых лет советской власти. Прошло уже более 35 лет со дня моего зачисления на рабфак, но как живо все еще в памяти.

1924 год. Еще далеко не везде и не во всем покончено с разрухой, страна совсем недавно пережила страшный голод 1921—22 годов. С путевкой Шадринского окружкома партии я еду в Екатеринбург на рабфак. Вот и Уктусская улица, вот и здание рабфака с его колокольней (здесь ранее помещалось духовное училище).

Несмотря на все трудности, мы учились настойчиво, упорно и успешно. И не только учились. Мы поддерживали порядок в общежитиях, отапливали их дровами распиленными и расколотыми нами же; мы активно и весело работали на субботниках и воскресниках; мы переоборудовали купеческие амбары под общежития, мы участвовали в художественной самодеятельности, в студенческих кружках, живо откликались на политические события в стране, громили своих троцкистов, клеймили позором участников шахтинского вредительства и многое, многое другое.

Быстро пролетели три года учебы. Окончены занятия, впереди выпускные экзамены. Готовились к ним добросовестно, с большим напряжением, все развлечения были забыты, сну отдавали лишь 4—5 часов в сутки. И вот экзамены успешно окончены. Впереди нас ждала не менее напряженная учеба в вузах. Прощай наш милый рабфак, прощай!..

О. КУЗНЕЦОВА, учительница

РАБФАК НАУЧИЛ УВАЖАТЬ ТРУД

Мой отец, участник гражданской войны, умер от тифа. Осталась больная мать, работавшая санитаркой, с тремя малышами, старшей из которых была я. С раннего возраста я привыкла к тяжелому физическому труду, совмещая его с учебой в школе.

После окончания семилетки я как комсомолка была мобилизована на учительскую работу в начальную школу. Предварительно прошла только одномесячные подготовительные курсы.

Учителей не хватало. Мне сразу поручили два класса. Понятно, как трудно мне было и как жаждала я пополнить знания. И вот в 1931 году я получила в виде премии за работу путевку на вечернее отделение Надеждинского рабфака, без отрыва от преподавания.

Работала в школе в две смены, начиная с восьми часов утра. С шести вечера—учеба на рабфаке. Времени было ровно столько, чтобы добежать из школы до рабфака, нередко на ходу одевая пальто. Заканчивались занятия в 10 часов. Придя домой в одиннадцатом часу, нужно было подготовиться к работе в школе, проверить тетради, составить план уроков, а также выполнить домашние задания, полученные на рабфаке. На сон оставалось три-четыре часа. Нельзя было рассчитывать на передышку и в воскресенье, так как часто проводились субботники и всегда накапливались домашние дела.

Трудно было учиться и работать в тех условиях, но вместе с тем и радостно.

Рабфак во многом содействовал выработке правильного мировоззрения молодежи, помог пониманию политики партии, научил уважать труд и трудящегося человека. Как содержательны, как увлекательно-интересны были классные и внеклассные занятия. Прошло 30 лет, а я до сих пор помню лекцию-беседу на тему: «Быт, красота и этика», давшую понять, каким должен быть советский человек.

Окончив в 1933 году Надеждинский рабфак, я затем окончила без отрыва от производства Пермский педагогический институт.

А. ШЕРЕЛЕВ,
врач.

МЕЧТЫ ОСУЩЕСТВИЛИСЬ

Детские и ранние юношеские годы я прожил в деревне, в бедной крестьянской семье. Нужда, непосильный труд по найму, унижение человеческого достоинства на каждом шагу, и, казалось, никакой надежды на улучшение жизни в будущем. Но вот Октябрьская революция открыла новые радостные перспективы для всех трудящихся, в том числе и для меня.

Два года гражданской войны я находился в рядах Красной Армии. Появилось непреодолимое желание учиться, хотя в это время я уже имел семью. В 1921 году по путевке Красной Армии я был направлен на Екатеринбургский рабфак.

Разруха после первой мировой и гражданской войн, засуха, голод, острый недостаток топлива, не было дров и для отопления университетских зданий. Приказ—«Все студенты на заготовку дров, норма на каждого студента—30 кубометров». Рабфаковцы в заготовке дров шли на первом месте.

Программа рабфака была огромна, за проработкой домашних заданий не заметишь, как и ночь пролетит. Взглянешь в окно и видишь, что начинает уже брезжить заря нового дня. Но, несмотря на такую нагрузку, мы находили время и для чтения. Преподаватели сумели привить нам на долгие годы, на всю жизнь любовь к художественной литературе.

Интересной и веселой была наша внеучебная жизнь, участие в кружках, в художественной самодеятельности. В лице своих преподавателей мы видели дорогих, близких нам старших товарищей.

Навсегда запомнится выпускной вечер рабфаковцев в 1924 году.

После рабфака я поступил на медицинский факультет Пермского университета, окончив его в 1929 году. И вот крестьянский парень из глухой деревни стал врачом, заведующим районной больницей.

Подводя итоги пройденного трудового жизненного пути, спрашиваю себя, все ли я сделал для того, чтобы не остаться в долгу перед нашей Родиной. И отвечаю—нет, далеко не все.

*Н. ФЕДОТОВ, профессор,
доктор медицинских наук.*

СТИХИ 1923 года

Дорогие друзья! Мне не легко Вам писать, так как я в большом долгу перед рабфаковцами. Верите ли, нет времени.

Шлю я Вам стихи рабфаковских времен, но они, наверное, не пойдут. Была не была, привожу их почти без поправок такими, какими вышли они у меня в 1923 году.

НЕИСТОВЫЙ РАБФАКОВЕЦ

Кто видел студента в «кормчей»,
Тот не станет рта разевать:
Что аппетит у него волчий,
Это аксиома, можно сказать.
Может он, не евши сутки,
На практических просидеть,
А в два ночи пускаться в шутки,
«Жрать газеты» и песни петь.
Трудно день деньски дневалить
В кабинетах, лабораториях головой,
Труд киргизскую лошадку свалит,
Воз нагузки «академической» и лной.
Мозг—миллион прозовых напряжений.
Силы—титану не в охват.
От постоянных сражений
Изнуряется солдат.

Но студент советский точит
Камень знаний из года в год,
Будет с книгой колдовать ночи,
Тайны науки вкушать плод..

«ПРАВДА»

Вдали от помона столиц,
В глухом уезде за работой,
С каким волнением и заботой
Ждешь «правдовских» страниц!
Передо мной земля экран.
Что ни строка—миллион приветов.
Тоскуют по стране Советов
Рабочие всех стран.

Сбегаю дальше по строкам,
В глазах рябит и горечь жгуче:
Там капитал народ замучил.
И призрак страшный бродит там
А вот в другой стране чудес,
Могучей и привольной,
Живет народ свободовольный.
Богатств его не перечесть.

БУДУЩЕМУ

У юности столько задора и прыти,
Мир мой, тебя не унять!
Ты, говорят, сединой покрытый,
Но пионером можешь скакать.
Земля золотится пшеничным колосом.
Счастье не верится только старухам.
Сегодня кричу я радиоголосом
В миллионное человечье ухо.
Давно ли весть черепахой ползала:
Полгода от Москвы до Сибири.
Теперь мгновенно волна в эфире
Домчит до любого вокзала.
Чудесно бытие вселенной!
Мозг, поработай, поразгадай-ка!
Сегодня рабочий вдохновенно
Слушает по радио балалайку.
Вот до Марса, положим, что там,
С земли информация
Домчится в два счета:
«Марсиане! Шлите рабочую делегацию!».
Время—извечный двигатель.
В сонме грядущих столетий,
Юные, счастливые, вы увидите
Человека вне земной планеты...

В. ПЕРМЯКОВ

И СЕЙЧАС СЧИТАЮ СЕБЯ РАБФАКОВЦЕМ

В следствие тяжелого ранения в голову писать я сам не могу. После ранения я не говорил 4 года, мучили припадки, парализовало правый бок, руку и ногу. Но не откликнуться на письмо рабфаковцев я не могу и диктую жене. Хочу сказать, что и в настоящее время считаю себя рабфаковцем.

Учился я на Пермском рабфаке с 1928 по 1931 год. Учеба дала мне очень, очень много. Недаром мой дед говорил: «Учение свет, а неученье—тьма». Сам я жил в этой тьме, работал с 12 лет на Добрянском заводе у графа Строганова. Детский труд тогда эксплуатировался во всю, а получали мы гроши, 10—15 копеек в день, работая по 12 часов в сутки.

Окружающая жизнь социалистической Родины, воспоминания о рабфаке делают меня, старого, больного человека, молодым, жизнерадостным и веселым.

Хочу одного, чтобы наши дети не забывали революционных традиций своих отцов и дедов, чтобы они помнили, кто и какой ценой создал им такую жизнь, за что умирали люди в гражданскую и Отечественную войны.

СОДЕРЖАНИЕ

М. Глазцкий, В. Чуфаров. Первые рабфаки на Урале	3
I. Воспоминания преподавателей рабочих факультетов	
1. М. Сигов. Школа знаний, школа жизни	10
2. А. Данилова. Упорство, труд, жажда знаний	13
3. О. Сигова. Любовь к литературе	17
4. П. Бородин. Ближе к практике, к жизни	20
5. Н. Захаров. В поисках нового	22
6. Н. Пантелеев. О партийной работе на рабфаке	24
II. Воспоминания рабфаковцев	
1. В. Молчанов. Из рабфаковской лирики	28
2. М. Ожегова-Степанова. Незабываемые годы	34
3. Н. Орлова. Годы учебы, годы труда	38
4. Д. Неустроев. П. Ярутин. Выигранное сражение	45
5. В. Серов. От ликбеза в высшую школу	50
6. Д. Поскотин. В авангарде студенчества	52
7. В. Голиков. Путевка в жизнь	54
8. О. Кузнецова. Рабфак научил уважать труд	55
9. А. Шевелев. Мечты осуществились	56
10 Н. Федотов. Стихи 1923 года	59
11 В. Пермяков. И сейчас считаю себя рабфаковцем	61